ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 132 (3943) Вторник, 4 ноября 1958 г. Цена 40 коп.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

День сотворения нового человеческого общества на одной шестой земного шара положил начало эпохе социализма. С той поры не прошло еще полстолетия. Но столь великого преображения мира не знала история.

Сорок один год Советской страны. Из них более трех пятилетий наш народ, вынужденный прервать мирный труд, отдал защите Отчизны и послевоенному восстановлению хозяйства. Если бы эти годы потрачены были на созидание, трудовые свершения советского народа были бы еще грандиознее. Но империалисты, развязавшие вторую мировую войну, поплатились не только жесточайшим военным разгромом. В битве с фашизмом возник лагерь социализма во главе с Советским Союзом, и это стало самым тяжким поражением всей капиталистической системы в целом.

Бедствия, причиненные гитлеровцами нашей стране, были неисчислимы. Но нет меры творческому всемогуществу советского народа, направляемого Коммунистической партией. Исчезли руины, восстановлены города, построены сотни новых заводов и фабрик.

XX съезд КПСС стал поворотным моментом в жизни партии и всего советского народа. Подвигом поднятых целинных земель, подвигом воздвигнутых новых бастионов индустрии, подвигом эпохальных научных открытий, подвигом грандиозных преобразований в сельском хозяйстве и в промышленности ответил народ на решения XX съезда КПСС. Гигантский рывок в будущее—иначе не назовешь этот подвиг советских людей, воплотивших в своих деяниях новаторские начертания исторического съезда. И все это во имя того, чтобы человек на нашей земле жил лучше, счастливее.

Были годы, когда советские люди, сознательно идя на ограничение своих потребностей, самоотверженно строили предприятия тяжелой промышленности. И она стала основой материального благосостояния народа, в период второй мировой войны — его арсеналом, а ныне, еще более могущественная, чем прежде, она открыла для советских людей новые возможности величайших свершений.

Никогда не вторгалась столь мощно в будущее советская наука, как это произошло в наше время. Она первенствует в использовании атомной энергии в мирных целях, в создании межконтинентальных баллистических ракет. Это наши, советские спутники Земли первыми подали сигналы из космоса. Открытия советских ученых совершили революцию в ряде важнейших отраслей человеческих знаний. И никогда наука не была столь близка к заводскому цеху и колхозной ниве, как в наши дни.

Советский народ прошел героический путь, ведомый партией в наше сегодня, когда осуществляется то, о чем только могли мечтать люди первых лет революции. Да, мы свидетели и строители того будущего, которое прозорливо видел сквозь толщу времен великий Ленин, — это будущее созидается сегодня, уверенно входит в нашу жизнь.

Ныне, в канун XXI съезда Коммунистической партии, весь советский народ окрыленно ждет контрольных цифр семилетнего плана, чтобы ими отсчитывать свои гигантские шаги в грядущее, чтобы новыми достижениями отмечать свою победоносную поступь в осуществляющееся великое будущее.

Всю свою творческую энергию партия коммунистов отдавала и отдает тому, чтобы сделать жизнь человека лучше, а самого человека — могучим и прекрасным. Морально-политическое единство, высокая идейность, неколебимая преданность коммунизму, благородный сплав советского патриотизма с пролетарским интернационализмом, героическая одухотворенность—все это чудесные черты духовного облика советского народа, взлелеянные творческой энергией Коммунистической партии.

Современная история — летопись ожесточенной борьбы социализма и капитализма. Эта борьба охватывает все области общественной жизни. Сознательно или бессознательно, прямо или косвенно в ней участвуют все люди нашей планеты. В этой борьбе нет и не может быть нейтральных.

Современный капитализм — это общественное устройство, враждебное человеку, самой его природе. Не случайно так популярны ныне на Западе изуверские теории о бессилии разума, о тщете человеческой деятельности. В качестве основного закона жизни капитализм избрал звериный вопль ненависти и страха — «человек человеку волк». Атомный шантаж — существование на грани войны — империалистам кажется единственным средством продлить дни своего владычества. Никогда жестокая, тупая глупость выживающего из ума капитализма не была столь опасна для человечества, как ныне. И никогда так не шатались основы буржуазного миропорядка, как сегодня.

На путь, указанный Октябрем, уже встало около миллиарда человек. Пример России поднял могучую волну национально - освободительного движения, порваны колониальные оковы во многих странах Азии и Африки. Всенародное движение сторонников мира превратилось в величайший фактор современности. Непобедимый лагерь стран социализма во главе с Советским Союзом, обладающий всем необходимым для обуздания войны, стал самой надежной охраной мира для всего человечества.

Наша страна заняла почетное место мирового центра новой, социалистической цивилизации. Партия вырастила, воспитала многомиллионную советскую интеллигенцию—гордость народа. В Советской стране сейчас—четверть миллиона деятелей науки, общее число студентов в два с лишним раза больше, чем во всех капиталистических странах Европы, вместе взятых. В Узбекистане, где до революции не было ни одного инженера-узбека, сейчас на 10 тысяч населения —81 человек с высшим образованием. Это в два раза больше, чем во Франции, и в 28 раз больше, чем в Иране.

На заре существования советского строя Ленин высказал мысль о том, что, завоевав политическую власть, создав свое государство, пролетариат обеспечивает все условия для приобщения огромного большинства населения к культуре, — вот путь для ликвидации вековой отсталости и темноты. Коммунистическая партия выполнила задачу, поставленную Лениным. И теперь пусть капиталистический мир попробует догнать нашу социалистическую цивилизацию! Что может он противопоставить нашей замечательной культуре, науке, искусству? Верная буржуазному образу мыслей интеллигенция одичала в индивидуализме, кичится собственным беспросветным отчаянием: «Мы приговорены к одиночному заключению в своей собственной шкуре». Из таких доброхотных узников вербуются убийцы живого творческого искусства. Утратив связь со своим народом, боясь его, они обречены на прозябание, на бесплодность. Вот плата за презрение к народу, которое они считают свободой личности.

Морально-политическое единство советского общества вызывает у империалистов бешенство. В бессильной злобе они клевещут, упиваются собственной ложью и, уверовав в нее, торжествующе вещают, что социализм, дескать, подавляет таланты. Они — враги культуры, враги гуманизма. Они — наши противники в сегодняшней борьбе, противники подлые, коварные, жестокие. И хотя не могут эти пигмеи помешать нашему победоносному походу в коммунистическое завтра, надо быть бдительными.

За сорок один год наш народ прошел великий исторический путь под руководством могучей Коммунистической партии. Партия провела нас через все опасности и вместе с народом смела с нашего пути тех, кто пытался вести нас не по ленинскому компасу. Героизм партии, организаторский гений ее, великая новаторская ленинская мудрость — вот неиссякаемый источник наших побед в поступательном движении Страны советской. С каждым годом растет и крепнет единение народа и партии.

Перед советской художественной интеллигенцией товарищ Н. С. Хрущев от имени партии поставил главную задачу: «Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Будем же достойны этой благородной задачи!

Кремлевский театр открылся

Вчера жизнь столицы ознаменовалась большим культурным событием — впервые раскрылись двери нового московского театра. В канун 41-й годовщины Великого Октября завершена реконструкция Кремлевского театра. Зрителями первого спектакля нового театра, расположенного недалеко от Спасской башни, были его строители. Штукатуры, маляры, монтажники бригад Н. Захаровой, А. Калачева, П. Филимонова, Э. Агеева, М. Карасева и многие другие, чьим трудом создано одно из лучших театральных зданий столицы, заполнили скромный и строгий зрительный зал. Московский Художественный академический театр Союза ССР имени М. Горького показал пьесу Н. Погодина «Кремлевские куранты».

— Кремлевский театр, — сказал его директор К. Ширяев в беседе с корреспондентом «Литературной газеты», — покажет зрителям лучшие произведения советского искусства. Сегодня наши первые гости — строители. 5 ноября — официальное открытие театра. В стенах Кремлевского театра 8, 9, 10, 11 ноября состоятся большие праздничные концерты, на которые, как и на все последующие постановки, билеты будут продаваться во всех театральных кассах Москвы. До конца года у нас выступят коллективы многих театров.

Линогравюра И. Селиванова «На коммунистический субботник»
Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ»

НАШИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

П. ДОРОНИН, секретарь Смоленского обкома КПСС

В конце 1953 года на одном из заседаний бюро обкома партии обсуждался вопрос о работе редакции областной газеты. Редактор бесстрастно и вяло приводил сухие цифры, перечислял, сколько раз и по каким вопросам в течение отчетного периода выступала газета. Все терпеливо слушали и после каждой цифры недоуменно прикидывали: много это или мало, хорошо или плохо? Редактору было задано много вопросов, а в выступлениях членов бюро сказано много резких слов. Газету, главным образом, обвиняли в том, что жизнь области она «рисует в черном цвете», что в газете нет показа работы лучших людей, образцов хорошей деятельности партийных организаций.

Редактор, уподобившись Бывалову из кинофильма «Волга-Волга», вопил: где я вам возьму передовиков? Где этот самый передовой опыт? Что я, из пальца должен вам все это высасывать! Конечно, редактор был неправ. И в то время были люди, которые работали лучше других, были передовики, хотя и не так уж велико было их число. Трудное, беспредельно трудное время переживала послевоенная Смоленщина, лежавшая в руинах и пепле. Нелегко было подниматься ей!

Пять лет назад сентябрьский Пленум ЦК КПСС открыл перед Смоленщиной, как и перед всем сельским хозяйством страны, огромные перспективы. Если бы сейчас наша областная газета стала рассказывать на своих страницах только о замечательном труде Героев Социалистического Труда и передовиков, награжденных орденом Ленина за успехи в развитии сельского хозяйства, то в течение всего года ее страницы были бы заполнены одними лишь этими материалами. Самое главное сейчас в жизни колхозной деревни — поразительный рост людей, рост их гражданского самосознания.

Знаменитое русское «авось», определявшее когда-то отношение к жизни задавленного гнетом русского крестьянина, безвозвратно кануло в прошлое. Наш русский, советский колхозник — совершенно новый человек, силы, внутреннее богатство которого с каждым годом раскрываются все полнее и ярче.

Взять хотя бы жажду соревнования. Все, что делается в передовых колхозах, становится примером, образцом для остальных. Появились, скажем, в одном колхозе района хорошие скотные дворы — и другие колхозы стремятся сделать такие же. Характерно и то, что любую отрасль хозяйства двигают вперед не отдельные выдающиеся сельские деятели, а вся масса колхозников: каждый стремится добиться показателей передовиков.

На совещаниях, в личных беседах, во время поездок в колхозы видишь, какой гордостью наполнены сердца людей за то, что они уже сделали. И это не кружит им головы. Люди борются с трудностями, но добившись успехов, идут дальше. Накопленный опыт окрыляет их, укрепляет веру в свои силы, вдохновляет на новые дерзания.

Процесс мощного движения масс достоин эпических полотен. Он поистине велик во всей его сложности и борьбе противоречий.

Новым толчком к этому движению послужили исторические решения партии и правительства по сельскому хозяйству, создавшие благоприятные условия для дальнейшего развертывания инициативы колхозного крестьянства.

Сейчас, оглядываясь назад, видишь, какая потребовалась напряженная большая работа нашей партии, чтобы превратить все предначертания в реальную действительность. Это был сложный процесс целеустремленного, направленного партией движения вперед, борьбы с косностью, неверием и обывательщиной. Это была и ломка укоренившегося в иных районах негодного стиля руководства.

Помню тот первый год, начало крутого подъема, когда, руководствуясь указанием Владимира Ильича Ленина, о котором напомнил нам Н. С. Хрущев, мы стали передвигать наших лучших руководящих работников сверху на низ.

Люди с опытом, с размахом, с творческим подходом к делу ехали на укрепление райкомов партии, райисполкомов, в колхозы, совхозы, в партийные организации МТС.

Не нужно думать, что это было легко им, достигшим зрелости и опыта в работе, начинать все сначала. Ими руководили высокая коммунистическая сознательность, партийный долг, и они мужественно выполнили волю партии.

Но и среди коммунистов были отдельные люди, проявившие слабость. Пытаясь уклониться от поездки в деревню, они ссылались на мнимые болезни, на прошлые заслуги, просили послать их на работу в какую-нибудь тихую заводь. Таких было немного, и они в конце концов побороли свою слабость, поехав работать в село.

Но те, кто пришел по зову партии в районы в самое трудное время и прочно осел в деревне, сроднившись с колхозным производством, составили руководящий костяк, верную опору нашей партии, вожаков и организаторов масс.

Говоря о величайшем значении решений партии и правительства по сельскому хозяйству, мы часто прибегаем к языку цифр. Десятки миллионов гектаров распаханной целины, миллиарды пудов хлеба, миллионы тонн молока и мяса — эти цифры кратко и убедительно свидетельствуют о героическом труде советских людей, участвовавших в подъеме сельского хозяйства в последние годы.

Какую гигантскую работу должна была провести наша партия, чтобы в течение нескольких лет на пустой, дикой земле заколосились тучные хлеба и закрома государства заполнились хлебом!

Сколько труда надо было вложить, чтобы разбить устоявшиеся представления! Десятки лет колхозные и совхозные доярки брали от коровы в два-три раза меньше того, что она могла дать, — к этому привыкли и это считали нормальным, были убеждены, что большего ничего сделать нельзя. Нужно было заставить поверить их, что в каждом колхозе в течение короткого времени можно удвоить, утроить производство молока!

И не сразу, конечно, все поверили в возможность такого роста. Сначала люди шли вперед робко, неуверенно. Только единицы вырывались вперед. И когда появились они, эти первые знатные доярки, их успехам просто не верили.

— Не может этого быть, чтобы наши смоленские коровы — «тасканки», которых таскать по весне на руках приходится, — так бывают они истощены, — не может быть, чтобы эти коровы давали по две, по три тысячи литров молока. Здесь что-то да не так!—сомневались колхозники. И трудно было сломить это неверие.

Нет в Новодугинском районе человека популярнее, чем директор госплемрассадника тов. Вендэ. Эта женщина пользуется неограниченным доверием, непререкаемым авторитетом. Но когда она рассказывала, что доярка сычевской артели «Советская Россия» Вера Гепнер надаивает от одной коровы по два ведра молока за раз, даже к ее словам относились с сомнением.

Пришлось организовать поездку к знатной доярке. Колхозницы внимательно осмотрели ведро —нет ли в нем какого-нибудь подвоха — и жадно следили за дойкой.

— Верите теперь, что это возможно,— спросила их Гепнер, отставляя от коровы ведра густого дымящегося молока.

— Дайте подумать, — ответили экскурсантки!

В этот день они не уехали, а остались ночевать в колхозе «Советская Россия». Долго выспрашивали друг друга, шептались наедине, стараясь проверить, нет ли какого обмана. Уехали они из колхоза лучшими агитаторами.

Первые успехи передовиков окрыляли, звали вперед, вселяли в людей уверенность в том, что всего может добиться человек своими руками. Издавна говорят, что народ способен горы ворочать. И вот уже появились не отдельные передовики, а целые фермы, колхозы, районы, целые области, крепчала вера, рос опыт, появлялось уменье мыслить по-иному, по-государственному. Люди становились подлинными творцами своей судьбы.

В нашей области главной отраслью хозяйства было и остается льноводство. В послевоенные годы оно находилось в упадке. Резко сократились посевные площади, урожайность семян и волокна льна была ничтожной. В пять раз возросло с тех пор у нас производство волокна. И это тоже совершилось не сразу.

Вспоминается первая областная выставка 1954 года. На трибуну одна за другой выходят льноводки. Они называют сравнительно небольшие урожаи семян льна и волокна — в 5—6 центнеров с гектара. В зале слышны выкрики: «Говори по-честности!» «Зачем обманываешь?».

Но вот на трибуну поднялась звеньевая колхоза имени Ленина, Издешковского района, Федора Петровна Королева. Она вырастила рекордный по тому времени урожай льна — по 13 центнеров семян на гектар. А производство семян для нас тогда было главным. Из-за нехватки их ежегодно резко сокращались посевы льна.

Зал встретил сообщение Королевой всеобщим неверием.

Постояла на трибуне женщина — в первый раз в жизни она поднялась на нее. Поняла платочек и под шум всего зала со слезами сошла с трибуны. Эта скромная труженица никого ни в чем не могла убедить.

В перерывы в фойе театра мы наблюдали следующую картину. Участницы выставки — льноводки окружили Федору Королеву и с пристрастием допрашивали, зачем она обманула их. Как это можно на смоленской земле получить с гектара 13 центнеров семян льна? Королева стояла растерянная. Никогда она не была в такой переделке. Как доказать? И вдруг она опустилась на колени и с отчаянием воскликнула: «Ей богу, бабоньки, не вру. Получила такой урожай!»

С тех пор «много воды утекло». Не один бой пришлось провести Федоре Королевой, отстаивая возможность получения высокого урожая льна. Она стала хорошо разбираться в агротехнике и теперь, выступая перед любой аудиторией, может со знанием дела говорить о льне.

Так выросла не только одна Федора Королева. У всех колхозников крепнет год от года вера в свои силы, и теперь едва ли не каждый колхозник является агитатором за высокие урожаи.

1954 год. Областное совещание доярок. На трибуне скромная, но уже по тем временам добившаяся приличных надоев доярка Анна Ивановна Ильина.

— Труд доярки известный, — сказала она, — хорошо ухаживай за коровой, корми ее вовремя и получишь надой.

Все знали эту простую истину и ждали, что Ильина скажет что-то такое, что раскроет секрет ее успеха. А она, как и Королева, не смогла, не сумела.

И недавно на празднике животновода Анна Ивановна, добившаяся от отдельных своих коров почти девятитысячного удоя, выступила перед молодежью.

Как глубоко и обстоятельно учила она юных доярок мастерству! Без малого час продолжалось выступление доярки. Не только заранее написанной речи, клочка бумажки не было перед ней.

Присутствовавший на этом празднике профессор ветеринарии П. А. Волосков сказал, что Ильина прочла прекрасную лекцию ученого-практика, прошедшего великолепную школу, начиная с азов.

И таких, как Ильина, у нас сейчас сотни, тысячи передовиков. Вчера еще не умели выразить своих мыслей, а сегодня их нельзя и узнать, так хорошо они владеют своим делом, передают свой опыт и помогают партии растить таких, как они сами, сознательных и активных тружеников.

Теперь на совещаниях доярок, свинарок, льноводок уже и тени нет того недоверия к рекордным урожаям, надоям, какое было несколько лет назад. Передовиков окружают уважением и почетом, и чем выше показатели, тем с большим вниманием слушают ораторов. Каждый старается впитать в себя крупицы драгоценного опыта.

Те, кто не сумел пойти в ногу с жизнью, продолжал хныкать, оказались за бортом, вынуждены были уступить места в колхозном производстве тем, кто верил в свое дело.

В борьбе за подъем сельского хозяйства растут и мужают люди колхозного села. Все более непримиримо относятся они к недостаткам в жизни сегодняшней колхозной деревни.

(Окончание на 2-й стр.)

Вспоминая семнадцатый год...

Альберт Рис ВИЛЬЯМС, американский писатель

Нескольким американцам довелось оказаться непосредственными свидетелями Октябрьской революции. Джон Рид и я были единственными среди них социалистами — открытыми и убежденными. Однако и на множество других людей революция произвела глубокое, неизгладимое впечатление. Во время наших случайных и недолгих встреч, происходивших в Нью-Йорке и других местах на протяжении ряда лет, я замечал, что в зависимости от точки зрения и темперамента того или иного очевидца революции различные аспекты ее воспринимались им с наибольшей остротой.

Для иных величие революции заключалось в том, что в нее были вовлечены огромные массы людей. Другим, например, моему другу, полковнику Рэймонду Робинсу, самым важным представлялись эрудиция, самоотверженность и дерзкая отвага вождей революции, в особенности Ленина, тот факт, что первый Совет Народных Комиссаров — если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, — по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире. Для видного американского профессора И. Э. Росса наиболее захватывающей чертой революции были стихийная сила и страсть восставшего народа: ограбленные и угнетенные массы — 130 000 000 мужчин, женщин и детей—хлынули вперед, устремившись к своей долгожданной мечте, как поток расплавленной лавы, который ничто не может ни остановить, ни отвести в сторону. На судью Томаса Тэтчера наиболее глубокое впечатление произвела та легкость и быстрота, с которой Советы стали правительством. Эта революция была почти полностью бескровной, до тех пор пока пули убийц не ранили Ленина и не началась иностранная интервенция. Каждый из этих аспектов революции составляет часть ее величия, однако не они являются главной причиной ее продолжающегося влияния на судьбы мира, ее коренного отличия от всех других революций. Не они превращают эту революцию, по словам патера Уолша — историка, принадлежащего к католической церкви, — «в самое значительное событие со времени падения Римской империи».

Величие революции составляют ее дела, вдохновленные историческими словами Ленина, которые я уже столько раз повторял, — словами, произнесенными в Смольном в ту самую решающую ночь, 41 год тому назад. Остановив движением руки бурю приветственных аплодисментов, он сказал: «Товарищи!.. Мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства». Немногие в возбужденной аудитории до конца осознали в тот момент все значение этой, так просто и деловито прозвучавшей фразы. Но сидевший рядом со мной Джон Рид, который всегда был очень чутким к критическим и драматическим моментам, поспешно записал ее в своем блокноте и дважды подчеркнул. Он верно ощутил, что в этих словах было достаточно динамита, чтобы потрясти весь мир и, как мы можем добавить теперь, потрясать его вплоть до сегодняшнего дня.

Фраза Ленина заявляла о том, что построение социалистического общества справедливости, мира и изобилия, ради которого трудились, воевали и умирали многие поколения, отныне стало целью народов одной шестой части света. Построению такого общества будут отданы все их силы и энергия.

В любую эпоху, в любой стране это оказалось бы грандиозным предприятием: в разоренной войной России подобный замысел был вершиной смелого дерзания. Повсюду голод и холод, тиф и саботаж. Армия разваливается, немцы наступают. Транспорт парализован. Фабрики стоят. И над всеми этими и сотнями других тяжелейших задач, встающих перед только что созданным правительством, высится еще одна — огромная и решающая. Народное хозяйство страны надо было восстановить и построить на совершенно новой, социалистической базе.

В бесчисленной литературе, посвященной вопросам социализма, много говорилось о его идеалах, его преимуществах и о том, как совершать революции. Но в ней почти ничего не было сказано о том, с чего надо начинать на другое утро после революции. Используя в своем изучении этих проблем самые различные источники, Ленин дважды обращался ко мне с настоятельной просьбой: «Скажите, пожалуйста, каким образом и где я могу достать работы американского товарища Даниэля де Леона?» Ленин слышал, что этот бывший профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке принадлежал к числу тех немногих ученых, которые писали о проблемах создания нового социального строя.

Однако и в работах де Леона, и в других книгах Ленину удалось найти очень мало такого, чем можно было бы руководствоваться в колоссальном начинании, предпринимавшемся Советской властью.

Как ни грозны были внутренние опасности и трудности, с которыми приходилось справляться Советской власти, они неизмеримо выросли из-за враждебности со стороны других государств. Подобно тому, как в 1789 году силы реакции пытались подавить Французскую революцию, теперь, в 1917 году, они стремились, как злобно выразился Черчилль, «задушить большевистского младенца в его колыбели». Чужеземные армии наступали на Россию со всех сторон, и социализм был вынужден сражаться на многих фронтах за свое право на существование. Нет нужды вновь повторять здесь эту героическую историю и рассказывать о том, как, наконец, контрреволюционеры были вынуждены отказаться от борьбы.

Но они не отказались от своей враждебности к советскому строю и с надеждой ожидали и пытались вызвать его падение изнутри. «Последней отчаянной попыткой разваливающегося режима добиться народной поддержки» назвали они первый пятилетний план, насмешливо окрестив его «проектом золотого века», «мечтой и фантазией статистиков».

Но Советская власть энергично двигалась вперед, преображая эту мечту в действительность. «В течение десяти с небольшим лет, — говорил один лондонский экономист, — Советская власть добилась такого индустриального прогресса, который в большинстве других стран потребовал бы нескольких поколений». Одновременно шли быстрая коллективизация сельского хозяйства и рост социалистического сектора национальной экономики. Повсюду социализм набирался

(Окончание на 4-й стр.)

Награждение орденами и медалями работников искусства и литературы Киргизской ССР

За выдающиеся заслуги в развитии киргизского искусства и литературы и в связи с декадой киргизского искусства и литературы в городе Москве Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями СССР большую группу работников искусства и литературы Киргизской ССР.

Среди награжденных **орденом Ленина** — писатели К. Маликов, Т. Уметалиев, **орденом Трудового Красного Знамени** — Т. Абдумомунов, Н. Байтемиров, К. Баялинов, К. Джантошев, С. Каралаев, Т. Сыдыкбеков, А. Токомбаев и А. Токтомушев. **Орденом «Знак Почета»** награждены литераторы: М. Абдулкеримов, К. Акаев, К. Бактенов, В. Винников, М. Джангазиев, С. Сасыкбаев, А. Убукеев, Н. Удалов, С. Фиксин, Н. Чекменев, Я. Шиваза, С. Абдыкадырова; **медалью «За трудовое отличие»** — У. Абдукаимов, Ч. Айтматов, М. Аксаков, А. Аралбаев, Т. Байзаков, А. Бердибаев, М. Борбугулов, К. Джунусов, С. Джусуев, К. Каимов, А. Сальников, Д. Семеганов, Б. Сарногоев, А. Токтахунов, А. Чоробаев, Т. Шамшиев, С. Шимеев, С. Эралиев.

Борис ГАЛИН

ОСЕНЬ В ДОНБАССЕ

2. Заслуженный шахтер

В ГОРЛОВКЕ, на улице Никиты Изотова, в доме 38, живет забойщик Николай Кондратьевич Бутенко.

Маленький двор весь засыпан светло-оранжевой листвой — старые тополи сбрасывают по осени листья. Они шуршат под ногами, ветром их носит по земле.

Бутенко сидит на крыльце. Это невысокий, слегка сутулый человек с загорелым лицом и зоркими, внимательными глазами. Он захватывает горсть листьев, весело играет ими, швыряет вверх и, прищуря глаза, смотрит, как они горят на щедром осеннем солнце. Его широкие в кисти руки отдыхают, они у Бутенко тяжелые и крупные, в рубцах и отметинах — угольная пыль крепко исполосовала их. Сколько угля они добыли, эти сильные и умные руки, делавшие когда-то зарубку обушком, а позже и поныне рубящие уголь отбойным молотком, — ловкие и бесстрашные руки, не терявшиеся в минуты опасности, пробивавшие дорогу из завала и не раз спасавшие жизнь Бутенко и его товарищам!

Недавно девять горняков «Кочегарки» удостоились высокого звания — заслуженного шахтера Украинской республики. Забойщик Шевелев и брат его, горный мастер Шевелев, рукоятчица ствола Халявина, горный мастер Горлов, начальник участка Гончаров, забойщик Хараджа, забойщик Логашов, машинист электровоза Мартынков, забойщик Бутенко.

В рассказах Бутенко о людях одной лавы открылось столько душевной крепости, любви к горному делу и живого внимания к молодежи, что мне стало ясно, почему в течение многих лет коммунисты участка выбирали его своим руководителем, почему он был делегатом XX съезда партии и почему он удостоился звания заслуженного шахтера республики. Бутенко всегда остается самим собой—человеком, полным доброжелательности к своим товарищам, к людям, добывающим уголь на крутых пластах.

Он как бы взял меня за руку и повел на горизонт 750, показал пласт «Толстый» с двумя его крыльями — лавой «Западной» и лавой «Восточной». По словам забойщика, он живой, этот пласт. И только поначалу он кажется тихим, сумрачным, навечно схваченным природой. А стоит внимательно присмотреться — и «каменная книга» по-другому откроется тебе, и струи, проходящие по углю, помогут тебе лучше зарубиться в пласт. Вот иногда можно услышать такие слова: «Эх, зарывает человек талант свой в землю». А ведь есть люди, замечает Бутенко, которые свой талант находят в недрах земли. Да вот взять хотя бы Василия Бирюкова. Он свой талант забойщика открыл на глубине 750 метров.

Присмотрелся Бутенко к нему и взял Бирюкова на проходку «гезенка». Это работа трудная, требующая сноровки и мужества от забойщика. Ведь по пласту идешь снизу вверх. В авангарде. Впереди идущий, так можно сказать.

Вот на пару с Бирюковым Бутенко и пробивал дорогу с нижнего штрека до верхнего. Сто сорок метров шли они по пласту. А когда пробились, старый шахтер сказал молодому: «О, ты, я вижу, настоящий забойщик, и рука у тебя верная...»

И вот что примечательно: о чем бы ни говорил Бутенко, он упорно возвращается к одной мысли, выношенной двадцативосьмью годами забойщицкого труда на пластах крутого падения. Надо любить свою шахту. И еще ближе: свой горизонт, свой забой.

— Недооцениваем мы человека, — говорит Бутенко, — его невидимые глазу плюсы...

Бутенко решительно убежден: в каждом человеке имеются плюсы. Иногда они только-только намечены.

И вдруг Николай Кондратьевич, взъерошив свои густые, отливающие червонным золотом волосы, заливается веселым смехом.

— Да вот взять хотя бы то, что происходит на шахте сейчас, в дни предсъездовской вахты...

ИЗДАВНА, еще с тех далеких дней, когда начинали свой путь такие ударники, как Изотов и Артюхов, повелось встречать поднявшихся на-гора передовых горняков букетами цветов. Прижмет шахтер цветы к груди, зароется черным от угля лицом в пышный душистый букет, преподнесенный пионерами, а то и девчатами, и дрогнет у него сердце от великого счастья...

Бутенко рассказывает: так было в тот день, когда шахтеры отмечали девяностолетие родной «Кочегарки». Добычу дали с плюсом: 6 809 тонн. А план — 3 600 тонн. В сентябре в честь предстоящего XXI съезда партии шахтеры «Кочегарки» снова дали высокую добычу — 154 процента плана.

И вот в один из таких дней приготовили, как обычно, 30 букетов для передовиков. На шахте приблизительно знали, кто может хорошо сработать в этот день, повести за собой массы. Были свои, не в обиду им будь сказано, постоянные передовики, или, как их весело называет Бутенко, «коренные ударники»... Но вышла неувязочка: хорошо поработало значительно больше горняков, чем предполагали на поверхности. Открылись в забоях новые таланты, и спешно нужно было раздобывать добавочные букеты цветов.

К СТАРЫМ ПЕРЕДОВИКАМ прибавились новые, молодые, те, на которых не то что не надеялись, а просто не знали их возможностей. И, может быть, это самое дорогое в нынешнем соревновании шахтеров.

Вот пришел в лаву молодой забойщик, пришел со своим характером, который еще только складывается. «Прилепился» юноша к Николаю Кондратьевичу. В педагогических целях Бутенко не называет его имени. Он не уверен, хватит ли у этого молодого шахтарчука силы и порыва, чтобы и завтра, и через два и три дня работать с тем живым, напряженным ритмом, с каким он трудился в день, когда знал, что на поверхности его ждут с цветами.

Так и видишь его, молодого шахтарчука, ну, скажем, назовем его Юрой. Кареглазый, густые ресницы в угольной пыли. Одним словом, размашистый паренек, бурнопламенный, старается показать себя: вот я какой, могу, значит! Душа юная, горячая, к подвигу рвется. Хорошо поработал юноша—букет свой сполна заслужил. Глаза горят, голову держит высоко. Весь, как струна, вот-вот запоет, заиграет. «Я, говорит, товарищ Бутенко, может, всю жизнь того часа дожидался, когда смогу развернуться».

Усмехнулся старый забойщик: «Ладно, мол, разворачивайся на здоровье...»

А парень свое: «Вы меня простите, Николай Кондратьевич, но я вам прямо скажу, у меня выработался свой взгляд на труд, особенно на труд шахтера. Тут без героизма и грамма не добудешь». И при этом стихи говорит — о забойщике, которого свой донецкий поэт Николай Домовитов сравнивает с горьковским Данко:

В зеленой спецовке и фибровой каске
Он с лампочкой светлой шагает в забой,
Похожий на Данко из горьковской сказки...

Вот он какой, этот юноша: Данко, добывающий уголь! Потом уже Бутенко вместе с ним, с молодым шахтером, стали к героизму приплюсовывать и любовь к шахте, и высокую сознательность, и знания.

— Стой, брат! — сказал Бутенко юноше и даже потряс его за плечи. — Есть у меня к тебе такой разговор. К вопросу о героизме и о нашем с тобою труде.

И РАССКАЗАЛ ему Бутенко случай, который имел место с одним забойщиком, хорошим его знакомым. Было это в первую осень войны — сильным выбросом завалило лаву, и, поразмыслив, забойщик решил: чтобы спасти себя и людей, надо пробиваться к верхнему штреку. Идти по пласту. Самодельным обушком забойщик долгие часы, теряя силы и все же подбадривая себя и находящихся с ним в забое людей, упорно пробивался вверх. На исходе суток он услышал какой-то глухой стук, идущий навстречу, и первое, что подумалось забойщику: «Это, наверное, стучит мое сердце». А стук усиливался и приближался — с верхнего штрека шли его товарищи забойщики. И велика же была радость людей, заваленных в лаве, когда они, наконец, соединились!

— И что же в итоге получается? — сказал юноше Бутенко. — Пробился человек, своей собственной рукой пробился и с дружеской помощью своих товарищей.

А однажды брали они уголь с пласта «Девятка». Знакомый забойщик и с ним крепильщик Шох. Выше по пласту работал Онуфриенко со своим крепильщиком. Забойщик, что укрепился пониже, сделал так называемую перекрышу — потолок из длинных стоек длиною в два метра от груди забоя. Зарубился забойщик и пошел брать уголь, полоску за полоской. В какой-то час вдруг загудело в лаве — громаду угля выбросило из груди забоя. Нижний забойщик со своим крепильщиком быстро укрылись под полок, а уголь пошел мимо, будто из гигантского мешка сыпанул. Забойщик топором разрубил воздушный шланг, и воздух хлынул им в лицо обоим. Люди оглохли от того, что воздух над ними ревел, и сидели они, прижавшись друг к другу под крышей.

Долгие часы сидели они в завале. Горный мастер Новиков и заместитель председателя шахткома Иваровский, оба опытные шахтеры, стали пробиваться к ним с нижнего штрека. Уголь застрял в горловине, пришлось осторожно спускать его вниз. В конце восемнадцатого часа Новиков посветил аккумуляторной лампой снизу вверх. На этот белый лучик света спустились оба горняка — забойщик и крепильщик.

— И здесь, как мы видим, — заключил Бутенко, — проявилась вера в человека, в дружность и товарищество...

А молодой шахтер, жадно слушавший рассказ забойщика, внимательно глянул на Бутенко и, прекрасно понимая, о каком хорошо знакомом забойщике идет речь, в свою очередь тихо спросил:

— А это, Николай Кондратьевич, это откуда у вас?.. — И коснулся глубокого шрама выше ключицы.

Бутенко отвел его руку.

— Это, друг-Данко, зарубка из другой, далекой истории. Тоже в забое случилось...

БУТЕНКО смотрит, прищурясь, вдаль, размышляя вслух о предстоящем съезде партии. Какая огромная полоса нашей жизни проходит между двумя съездами! Снова наши планы, наши мечты нацелены на будущее.

В свое время мы страстно учились думать и жить пятилетками — они прочно вошли в наш быт, в наше сознание! А сейчас открывается новая пора нашей жизни — эпоха семилетнего плана. Человек, или, как любят говорить в Донбассе, трудящийся, начинает с самого простого. Он хочет увидеть свой «ручеек» в общем движении страны. Свой уступ, свою лаву, свою шахту. И себя увидеть: каков я есть и каким хочу быть в первой семилетке.

Забойщик уважительно произносит: «Семилетка!» Он как бы берет это слово на ощупь. Жизнью, трудом оно пахнет, доброе, рабочее слово,—за ним видятся леса строек, металл, уголь, химия, атомная энергия, школы, жилища... А во главе всех начатых и будущих дел — человек!

Семилетний план шахты. Основной показатель — производительность труда. От него, как по визиру, горняки будут крепить свою первую семилетку. Этим сейчас живет весь коллектив «Кочегарки» — забойщики, лесогоны, горные мастера, инженеры, партийные работники.

Этот год был для «Кочегарки» своего рода переломным годом. Шахта перешла на прерывную рабочую неделю. Воскресенье — выходной день; в лавах ведутся только ремонтные работы. Внедрили устойчивый режим работы.

Начальник шахты Л. Д. Слипченко подробно рассказывал мне о планах на будущее. На шахте начали разрабатывать пласты на глубине 860 метров. В отдельные дни шахта показывает хорошие, особо высокие образцы производительности труда. И, конечно же, сама жизнь выдвигает перед руководителями шахты требование: закрепить творческий порыв шахтеров, сделать работу в лавах ритмичной.

В Чистяково на шахте имени Лутугина в бригаде Александра Кольчика начали борьбу за снижение себестоимости тонны угля. Живой почин, которому надо дать широкую дорогу. Н. С. Хрущев именно так и отметил все громадное значение этой шахтерской инициативы.

«Хорошее дело начали донецкие шахтеры! Если бы в целом по стране себестоимость тонны угля снизить хотя бы на 2 рубля, то это дало бы экономию государству в этом году около одного миллиарда рублей. А на эти средства можно было бы построить семь новых шахт общей мощностью более 4 миллионов тонн угля в год или 530 жилых домов общей площадью в 640 тысяч квадратных метров».

У людей шахты «Кочегарка» появился вкус к цифре, к анализу своей работы. Экономисты и статистики точными расчетами подкрепляют мысли, планы и обязательства горняков. Это ведь еще В. И. Ленин в свое время писал: «Статистики должны быть нашими **практическими** *помощниками*, а не схоластиками».

Вот это страстное желание обдумать, наметить пути более производительной и рентабельной работы всей шахты в целом, а не только отдельных ее бригад, заставило коллектив «Кочегарки» выработать документ — предложения по укреплению хозяйственного расчета на угольных шахтах с крутопадающими пластами. Права, которыми в настоящее время пользуются начальники участков на угольных шахтах, сковывают инициативу руководителей. Необходимо создать условия, обеспечивающие действительно оперативную самостоятельность начальникам участков и лав, помочь им решить повседневную задачу: с меньшими затратами — больше продукции!

В СУЩНОСТИ, то, над чем сейчас думают на «Кочегарке» и что хотят провести в жизнь, является логическим развитием требования партии: приблизить руководство к производству. 250 инженеров и техников работают на шахте. Это — сила! Ее нужно более разумно использовать в лаве, на участке — там, где решается судьба добычи.

И еще: есть у забойщика Бутенко и его товарищей по работе в лаве свои справедливые претензии к инженерам-конструкторам угольного машиностроения. Когда же конструкторская мысль создаст реально, в металле машины для комплексной механизации добычи на крутых пластах?..

Наши инженеры, в частности специалисты проектного института Донгипроуглемаш, создали и внедрили на шахтах с пластами пологого падения гамму хорошо работающих горных комбайнов. Условия на пластах крутого падения более трудные и сложные, чем на пологих. Но тем решительнее и упорнее исследовательская мысль ученых и конструкторов должна решать в тесном сдружестве с практикой насущные проблемы, волнующие трудящихся на крутых пластах.

СТАЛИНО — ГОРЛОВКА

Первый очерк «Осень в Донбассе» опубликован в 131-м номере «Литературной газеты».

Заканчивается сооружение нового двухъярусного моста через Москву-реку в Лужниках.

Утром 7 ноября праздничные колонны демонстрантов откроют движение на мосту. Они пройдут от Ленинских гор прямо к центру столицы, на Красную площадь.

На снимке: один из лучших электрогазосварщиков строительства метромоста А. Крамаренко.

Фото А. ЛЯПИНА

НАШИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Беспрерывные дожди прошлого года попортили заготовленные стога соломы и сена. Осенью многие речки разлились, как весной, и подтопили корма в своих поймах. В зиму пришлось кормить животных малокалорийным сеном. Поздняя весна очень осложнила положение. Во многих колхозах упали надои. Всего на несколько литров стали меньше давать коровы, чем в прошлом году. Но надо было видеть, какую тревогу это вызывало среди животноводов области. Уменьшение на пятнадцать-двадцать килограммов от двух-трех тысяч литров в год взволновало всех.

Люди не хотят отступать. Все помыслы их, все усилия направлены только вперед, и в этом особенно наглядно раскрывается отношение колхозников к долгу, к труду, к общественному хозяйству, к интересам государства.

За последние годы наши лучшие люди не только научились высокому мастерству сельскохозяйственного труда, но и стали общественными деятелями, известными далеко за пределами своего колхоза. Их уже не удовлетворяют успехи, достигнутые в звене, бригаде, колхозе, на ферме. Они желают, чтобы так же хорошо было и в районе, и в области. Характерно, что когда обращается к ним районный или областной комитет партии, чтобы они помогли расшевелить, поправить дело на отстающих участках работы, они днем и ночью, в любую погоду готовы ехать и работать засучив рукава.

Эта искренняя взаимопомощь, взаимообогащение характеризуют новые социалистические отношения, которые не имеют ничего общего с отношениями, сложившимися при капитализме, где человек человеку волк. Эти отношения чужды обывательских принципов, выраженных в изречении «моя хата с краю».

Все меняется в жизни деревни. Давно ли мы с горечью отмечали, что в колхозах нет молодежи, что, едва оперившись, она уезжала в город. Было время, когда у части молодежи было пренебрежительное отношение к колхозному труду. Лучше уж в няньки, чем в колхозе работать, говорили иные девушки.

И нужно было терпеливо, настойчиво ломать эти ошибочные взгляды. Сейчас молодежь прочно оседает в родном селе. Свежие силы, кипучую энергию принесли с собой в колхозную жизнь комсомольцы.

В последние годы появились такие колхозы, где молодежь пришла на решающие участки колхозного производства. Только на животноводческих фермах Смоленщины трудится сейчас более пятнадцати тысяч юношей и девушек. Многие из них стали работать на фермах после средней школы. Выросли наши возможности, легче будет внедрять в колхозное производство то новое, передовое, прогрессивное, что рождает жизнь.

Окрепла армия сельской интеллигенции, ее связи с жизнью. Нынче она активно участвует в общем процессе преобразования колхозной деревни, каждый день рождаются новые формы работы с населением.

Трудно в газетной статье показать хотя бы долю тех сдвигов, которые произошли в нашей экономике и в психологии людей за последнее пятилетие. На прочной материальной основе мы укрепляли трудодень; приходилось бороться с бумажным стилем руководства, в самый разгар колхозных работ строить тока, сушилки, чтобы спасти вымокающий от дождей урожай. Каждое новое дело встречало нередко сопротивление и неверие. Но от этого неверия люди приходили к глубокой вере, становились страстными борцами за все передовое. На своем участке они показывали примеры глубокого патриотизма, беспредельной преданности нашему общему делу.

Это путь наших пяти победных лет.

Хочется назвать еще несколько цифр, характеризующих рост людей. В настоящее время наша партийная организация пополнилась более чем семью тысячами коммунистов, закаленных, проверенных в трудностях людей. Более 11 тысяч депутатов в районных и сельских Советах заботятся об улучшении жизни. Все это люди, которые своими руками преобразуют лицо Смоленщины.

Так партия воспитывает и растит людей, формируя в них лучшие качества— беззаветную преданность своей Родине и несокрушимую веру в торжество коммунизма.

Мы находимся в начале большого пути подлинного крутого подъема сельского хозяйства области. Наши колхозники глубоко уверены в реальности поставленных партией задач, в возможности быстрого роста общественного хозяйства колхозов. Тысячи и тысячи передовиков производства, самые широкие массы тружеников деревни готовы отдать все свои силы делу борьбы за быстрейшее развитие колхозного производства. Все это позволяет нам намечать и проводить в жизнь такие смелые планы, о которых прежде мы не могли и думать.

Я рассказал о людях, о тех изменениях, которые произошли на Смоленщине за последние годы. Но разве то, что характерно для нас, не типично для любой области, для всей страны!

И когда мы говорим об огромных успехах, с которыми советский народ идет навстречу XXI съезду КПСС, мы прежде всего отмечаем рост советского человека, расцвет его духовных сил. Это и есть самая большая победа партии, народа, встречающих 41-ю годовщину Великого Октября.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Большие крылья

Д. ЗЮЗИН,
Герой Советского Союза

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет назад я, мальчишка, бредивший полетами, знал три авиационных имени: Федора Ивановича Козлова, Михаила Михайловича Громова и Андрея Николаевича Туполева. Козлов носил четыре красных квадрата на голубых петлицах и был нашим соседом по квартире, Громов прославился своими отважными перелетами над Европой, а что касается Андрея Николаевича Туполева, то мне казалось, что все летающие машины созданы его трудами...

Мальчишка вырос — стал летчиком, познакомился с небом войны и с мирным небом, узнал много славных имен, героических и печальных судеб. Майор Козлов погиб в бою над Веной, Герой Советского Союза генерал Громов, вписав много славных страниц в историю нашей авиации, отошел от летной работы, и только встречающий на днях свое семидесятилетие, полный творческих замыслов Андрей Николаевич Туполев по-прежнему в строю.

О нем эти строки.

ЭТО МОЖЕТ показаться неожиданным, но заметки о самом известном авиационном конструкторе мне хочется начать с маленького «наземного» эпизода.

На Волжской ГЭС имени В. И. Ленина видели многих экскурсантов, но такого неутомимого и беспокойного, как Андрей Николаевич, здесь не помнят. Он обошел главный зал, поднялся на гребень плотины и спустился к самой воде. Он интересовался устройством шлюзов и обязательно хотел посмотреть на плотину с катера. Его занимали механизация строительства и планировка подъездных путей...

Инженеры давно расстегнули воротнички, украдкой посматривали на часы, а он, казалось, не замечая времени, все шагал и шагал.

— Что у вас, часы спешат, что ли? Куда вы торопитесь? Здесь для меня все новое, а новое никогда не проходит даром...

Новое! Это как раз то, что никогда не дает ему покоя. Он ищет его на электростанции и в болгарском строительном кооперативе (какие замечательные облегченные кирпичи здесь придумали!), он не пропускает коротенького сообщения в химическом журнале (любопытный пластик! Надо взять на заметку — пойдет на звукоизоляцию), он замечает простой, но оригинальный электрический плафон на Промышленной выставке (на 110-ю машину его!)...

НОВОЕ — главная страсть всей его жизни.

Эта страсть зародилась на лекциях великого новатора в науке Николая Егоровича Жуковского, она распрямила крылья в первые же годы революции. Андрей Николаевич Туполев вместе со своим учителем Жуковским обратились к В. И. Ленину с проектом создания научно-исследовательского авиационного центра. Это было в 1918 году. Подумайте — в стране гражданская война, хозяйство разрушено, голод гуляет по России... В. И. Ленин поддержал отца русской авиации. Великий практик и великий мечтатель, он умел смело смотреть в будущее, он, как никто, понимал, что значит чувство нового в науке.

Это были трудные годы. Интеллигенция переживала тяжелый кризис, многие покинули Родину, многим казалось, что нечего мечтать о техническом прогрессе. С кем идти, в каком сражаться стане, — такого вопроса никогда не было для Андрея Николаевича Туполева. Молодой инженер, талантливый ученик Жуковского, он раз и навсегда выбрал свой путь — с народом, с партией Ленина. И партия, народ наш открыли перед ним безграничный простор для творчества, создали ему условия, о которых ни один зарубежный ученый и мечтать не смеет.

Новое! — он пронес эту страсть через всю свою жизнь.

Несколько лет назад на ответственном совещании разгорелся ожесточенный спор — пришло ли время ставить на тяжелые самолеты стреловидные крылья? Многие тогда сомневались: стреловидные крылья несут больше прямых, рискованно на них рассчитывать, слишком ново. Андрей Николаевич решительно принял ответственность на себя. И тяжелые корабли «ТУ» со стреловидными крыльями известны теперь всему миру...

Был момент, когда от турбовинтовых двигателей отказались решительно все. Андрей Николаевич, конечно, видел, что двигатели нуждаются в «доводке», но он видел и другое — без них не сделаешь по-настоящему новой машины. И на аэродроме появился необычный самолет. Серийная четырехмоторная машина выглядела более чем странно: три мотора нормальных, а один — раза в два длиннее своих собратьев. Летающая лаборатория сделала множество полетов. «Самолетчики», объединившись с «двигателистами», довели работу до конца, и авиация нашей Родины получила машину, намного обогнавшую время.

КАК родилась эта великая вера в новое? Вероятно, корни надо искать в глубине творческой биографии конструктора. Тридцать с лишним лет назад он построил первые металлические самолеты. Тогда это было не просто ново, это было невероятно дерзко. Мало кто знал, как он готовился к этому скачку, сколько было выполнено предварительных исследований и работ, — теперь уже забыли и о катерах, и об аэросанях конструкции Туполева. И тем более о его работах по испытанию кольчугалюминиевых листов и труб. Подготовительная работа заняла тогда несколько лет, сегодня она утеряла инженерный интерес, но в человеческом плане она по-прежнему выглядит великолепно.

От малого — к большому. Смелость — это прежде всего опыт, опыт и еще раз опыт... Но одного опыта мало — нужна еще система. Я бы сказал, что секрет туполевской системы конструирования гениально прост: он стремится решать самые сложные задачи методом «простейших уравнений». Хорошо рассказывает об этом ближайший друг и бессменный соратник Андрея Николаевича — главный конструктор, Герой Социалистического Труда Александр Александрович Архангельский.

Задумана большая работа. Андрей Николаевич не спешит поразить мир сразу двадцатью авиационными открытиями. Он берет, например, свою устаревшую машину, ставит на нее совершенно новые реактивные двигатели. Уравнение с одним неизвестным — все, что касается самолета, ясно, «икс» — двигатели. Значение «икса» определяется сравнительно легко. И тогда с машины сбрасываются прямые плоскости, она превращается в «стрелочку», и снова остается одно неизвестное — крылья. Система работы конструкторского бюро Туполева заслуживает капитального научного исследования. Я привел здесь всего лишь один пример, и прошу рассматривать его только в качестве маленькой иллюстрации...

— Ну хорошо, — возразят мне, — опыт и система — великое дело, но, право же, и опытом, и системой владеют многие конструкторы. Почему же мастерство Туполева поднялось до уровня высокого искусства?

Вопрос законный. Трудно на него ответить со всей полнотой, но попытаюсь. И снова начну с примеров. Однажды Андрей Николаевич задержался в сборочном цехе. Внимание его привлек третьестепенной важности люк на новой машине.

— Переделайте замки. В полете вырвет, — сказал он инженерам и тут же набросал схему запорного устройства. Расчетчики проверили свою работу. Выходило, что люк вырвать не должно. Цифры были против Туполева. Жизнь, однако, подтвердила его правоту. В полете люк был потерян...

Другой случай. Для нового самолета аэродинамики предложили оригинальный профиль крыла. Как свидетельствовали испытания в аэродинамической трубе, профиль был лучшим из лучших. Андрей Николаевич распорядился вычертить рядом с новым профилем два старых, хорошо известных. Дальше произошло нечто странное: красный карандаш главного конструктора отсек от одного профиля носок, от другого — хвостовую часть, от третьего — середину.

— Из этих вот элементов соберите-ка четвертый вариант, и посмотрим...

Собрали, проверили в аэродинамической трубе — четвертый вариант оказался лучшим из всех.

Что ж это? Сверхпрозорливость, провиденье? Нет, конечно, это — глубокая инженерная интуиция, в основе которой огромный запас знаний, опыт и редкое умение проникать в суть физических явлений, умение, присущее только особо одаренным творцам науки. Конструктор умеет смотреть на самолетный люк и видеть в нем не мертвый металл, а тело, окруженное свистящим воздушным потоком, проникать в картину этого потока, моделировать ее перед мысленным взором и не преклоняться перед цифрами.

На одном из проектируемых самолетов не ладилось с управлением. Штурвал цеплял за колени летчика. Поднять штурвал нельзя — мешают обводы кабины, понизить сиденье — тоже нельзя: ухудшится обзор. Приняли решение изменить кинематическую схему. Сместили ось вращения штурвала. О том, как вышли из затруднительного положения конструкторы группы управления, Андрей Николаевич не знал. Доводка кабины производилась в его отсутствие. Но стоило ему сесть на пилотское сиденье, несколько раз качнуть штурвалом, как он сразу же определил, что изменено в конструкции. За две, буквально, минуты, не видя чертежей, не заглядывая под пол, где был упрятан «секрет» решения, он разгадал задачу, над которой бригада ломала голову целую неделю... Это еще один пример — маленький, но очень характерный.

МНЕ ПОВЕЗЛО в жизни — несколько лет я принимал участие в «крещении» туполевских самолетов. По должности летчика-испытателя я присутствовал при рождении замыслов конструктора, я наблюдал, как чертежи превращались в сталь и дюралюмин, я ощущал на своих ладонях холодок не летавших еще штурвалов, я был одним из тех, кого Андрей Николаевич провожал в первый полет и встречал после первого приземления. Разве можно забыть такое: «ТУ-110» совершил первую свою посадку, мы еще не успели снять парашюты, только ступили на землю, и вдруг:

— Качать их, чертей, хорошо слетали! — это кричал генеральный конструктор. И он качал экипаж вместе со всеми, и радовался больше всех...

Конструктор — человек, и ничто человеческое ему не чуждо, он бывает резок в своей требовательности, он же успевает, занимаясь сотнями дел, позаботиться о постройке жилых домов для рабочих и о посадке цветов на территории завода, поддержать молодых конструкторов, столкнуть в соревновании две группы проектировщиков.

Иной раз думаешь — откуда у него все это, как его хватает на все? И тогда невольно вспоминаешь трудную, полную тревог жизнь человека, испытавшего на своем веку не только радость больших побед, но и горькие переживания. И вот что важно — никакие победы не вскружили ему голову: «АНТ-25» пролетел над полюсом, соединил два материка, прославил конструктора, а он в это время работал над следующей машиной и больше всего заботился о том, чтобы имя Павла Осиповича Сухого, руководителя бригады, конструировавшей «АНТ-25», не миновало внимания печати. Геройски погиб, выполняя свой долг, летчик-испытатель Алексей Перелет. И Андрей Николаевич первым подумал о том, что надо представить летчика к посмертному присвоению звания Героя Советского Союза.

«ТУ-104» разнес по всему миру новую славу советских крыльев. О машине писала вся мировая пресса. А генеральный конструктор Туполев в это время советовался со своими инженерами, как улучшить, усовершенствовать машину. Мы знали пятидесятиместный вариант самолета, мы познакомились вскоре с семидесятиместным кораблем, а недавно увидели «сотку»...

ИМЯ Туполева — одно из самых популярных русских имен сегодня. Его знают всюду. Всюду ему отдают дань заслуженного уважения. Академик, лауреат, дважды Герой Социалистического Труда, он пользуется огромным авторитетом и доверием.

Андрей Николаевич великолепно ощущает меру народного доверия, оказываемого ему уже не первый год, и использует это доверие по-своему, по-туполевски — он принимает на себя самые трудные задания. Он смело и решительно прокладывает новые дороги в авиации, никогда не отступает перед задачами, казалось бы, неразрешимыми. И постоянно работает в тесном контакте со своим замечательным конструкторским коллективом.

Два года назад от имени этого коллектива конструктор сказал: к сороколетию Советской власти мы построим новую машину — «ТУ-114», двухсотдвадцатиместный пассажирский турбовинтовой самолет.

Совсем недавно в Брюсселе она удостоена Большого приза Международной выставки как самый выдающийся самолет современности.

Через несколько дней Андрей Николаевич встречает свое семидесятилетие. Позади — сорок с лишним лет творческой работы и поисков, позади — более ста самолетных конструкций! Впереди — дальние планы, смелые мечты, ясные перспективы.

И хочется пожелать юбиляру: пусть Вас никогда не оставляет творческая молодость, Андрей Николаевич!

И хочется пожелать всем нам: пусть не прекращается счет новым «ТУ»!

Я твердо верю — будет еще такой ясный день, когда на стартовую дорожку выруливает «ТУ-228»...

Сергей ВАСИЛЬЕВ

БЕСПОКОЙСТВО

Мною почти закончена работа над новой книгой стихотворений.

Идея, определяющая содержание всей этой книги, очень простая: я попытался показать, раскрыть сущность, органическое свойство трудового человека быть всегда в состоянии творческой заботы, непрерывного поиска, порыва в завтрашний день.

Стихи намеренно писал разные по форме и по сюжетному строю, но, независимо от различного «внешнего покроя», они получились родственными по своему внутреннему мотиву — каждое из них, мне кажется, бьет в одну цель.

В этих стихах мне хотелось воспеть труд, высмеять лень, развенчать наслаждение покоем.

Естественно, что для решения задачи такого рода мне понадобились и лирика в чистом виде, и прием иносказания, и излюбленная мною сатирическая манера письма.

Ведь счастье, по-моему, состоит не в умиротворенном созерцании, а в действии; в активном расходовании энергии, а не в ее консервации; в разведке, в опыте, в риске, а не в бессмысленном прозябании.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Он, к счастью, в среде нашей редок.
Скрипит, как пила об наждак:
и то ему вроде не эдак,
и это как будто не так.

Все то, что приметно и ново,
Заведомо чуждо ему:
и строят у нас бестолково,
и учат совсем не тому.

Он ест украинскую вишню
и тут же, нахмурясь слегка,
находит, что вишня излишне
для раннего сорта сладка.

Он хлещет отличное пиво
и злобно трясет бородой:
мол, пиво по цвету красиво,
но все-таки пахнет бардой.

Он даже при случае хает
московское наше метро:
отделки, мол, верно, хватает,
богато, а все же пестро.

Он морщится, ропщет и злится,
и ноет без тени стыда:
вот, дескать, я был за границей,
так это, действительно, да!

Конечно, такой мне не пара,
не друг, и не сват, и не брат,
и встретиться с ним у бульвара
я был, безусловно, не рад.

Он шел в бледно-розовой шляпе,
бочком и чуть-чуть семеня.
— Чем занят на данном этапе?! —
ехидно спросил он меня.

— Пишу, — говорю, — и читаю. —
Хочу побывать в мастерах,
а кроме того, выступаю
на разных больших вечерах.

— Ого! Высоко забираешь!
Да ты, брат, я вижу, того!
Поэт и трибун! Выступаешь!
А можно узнать — за кого?!

Я, глядя в глаза краснобаю,
сказал без нажима, но всласть:
— За кого, говоришь, выступаю?
Да всё за Советскую власть!

КРАСОТА

Нет, он пошел не против правил,
и это вовсе не скандал,
что он красивую оставил,
а с некрасивой жизнь связал.

У той, красивой, как бы внешне
она была ни хороша,
как праздный чиж в чужой скворешне,
сидела мертвая душа.

Пред ней хоть падай на колени,
хоть режь ее, хоть волком вой, —
она верна бессрочной лени,
своей подруге расписной

Ей труд противен, поиск труден,
весь день затянут пеленой,
как будто был отцом ей трутень,
а леность — матерью родной.

Не поспевая оглянуться,
спешила в тень куда-нибудь,
прилечь на мягком, потянуться,
с усталым видом отдохнуть.

Но отчего же?! Как персону,
ты потревожь ее, спроси:
От болтовни по телефону?
От длинных рейсов на такси?

От голубого бденья в ванной?
От перезвона баккара?
От пряной пищи ресторанной?
От преферанса до утра?

От санаторного лимана?
От сплетен, собранных тайком?
От неудачного романа
с немолодым холостяком?

Нет, он устал молчать, как идол,
перед собой краснеть устал
и притворяться, что не видел,
и запираться, что не знал.

И он ушел к другой, в которой
прозревшим сердцем разглядел
характер жить в работе спорой,
привычку жаждать срочных дел.

У «некрасивой», правда, с детства
нет ни улыбки заводной,
ни всемогущего кокетства,
ни пышных патл, сожженных хной.

Она совсем, совсем другая,
скромны спокойные черты.
Зато она полна до края
неотразимой чистоты.

Такая дружбу не остудит,
врагам на откуп не отдаст,
не ошельмует, не осудит,
не подведет и не предаст.

...Его ругали и корили,
кляли вовсю еще вчера,
но что бы там ни говорили,
нет, видно, худа без добра.

Он некрасивой верен свято.
И он обходит за версту
ту, ослепившую когда-то,
полуживую красоту.

ТЕРПЕНИЕ

Ты говоришь, что все трудней писать,
что не дается нужная строка.
Вот, кажется, она уже близка,
ан вырвалась, коварная, опять
и дразнится, маня издалека.

А ты терпи, коварству вопреки,
держи на взводе хитрый карандаш,
иначе потеряешь власть руки
и дорогое золото строки
другому, терпеливому, отдашь.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

Т. С. МАЛЬЦЕВУ

На тяжесть утомления не сетуй.
Сумей понять и попросту учесть:
как раз в привычной трудной ноше этой
твое большое счастье-то и есть.

Оно — в сплошной тревоге ожиданья,
в бессоннице, гнетущей издавна,
в почти раскрытой тайне прорастанья
по-новому живущего зерна.

В разведке боем, в медленной погоне,
в смертельной схватке с хищным сорняком,
в прощупываньи почвы на ладони,
в хождении по башне босиком.

В презрении к горячке и к простуде,
в умении молчать, как чернозем,
когда тебя язвительные люди
тихонько называют чудаком.
В заречном всплеске трепетной зарницы,
в давнишней дружбе с солнечным лучом,
в земном поклоне мальцевской пшеницы,
которой зной и стужа нипочем.

Когда б не удивительное дело,
не риск, не кладезь, найденный впотьмах, —
не рдела бы твоя звезда, а тлела
и черта б с два ходил ты в мастерах!

ЛЮБИТЕЛЮ ПОСПАТЬ

Почти утратив в голосе металл,
он мне сказал с оттенком мелкой мести:
— Откуда, друг, ты вдруг известным стал?
Ведь мы когда-то начинали вместе?..
Я дал ответ на заданный вопрос:
— Брось козырять тупой своей обидой.
Пока ты спал, я бодрствовал и рос.
Завидуешь? И правильно — завидуй!

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

Иные мелют, что ему везет,
что он в рубашке, так сказать, родился,
легко дошел до орденских высот,
взорлил, обронзовел и возгордился.

Им, болтунам, наверно, невдомек,
Какие муки вынес он вначале,
как зрели мысли, как они крепчали,
как он не раз в дороге изнемог,
как ошибался горько, но искал,
прильнуть к ресницам не давая дреме,
какой очередной перенакал
испытывала воля на подъеме,
как брел вперед, затем бросался вспять,
споткнувшись, падал, больно ушибался,
сжимал до скрипа зубы, поднимался,
ругал себя, сквозь слезы улыбался
и начинал все сызнова опять.

Как пристально, остро́, неудержимо
стремилось сердце, силясь в цель попасть,
а стрелы шли все мимо, мимо, мимо,
и лишь одна в заветный круг впилась.

Какую уйму исступленных сил
истратил он на дерзкое исканье,
пока пришло прямое попаданье,
согрело всенародное признанье
и адский труд увенчан славой был!

А болтунам, им что! Они несут
досужие свои определенья,
считая свой подслеповатый суд
вершиной правды и пределом зренья.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

У меня на голубятне
девятнадцать голубей.
Восемнадцать чистокровных,
девятнадцатый — плебей.

У хохлатого плебея
разнесчастная судьба:
и коты его трепали,
и терзали ястреба,
и сороки нападали

неизвестно почему,
и мальчишки из берданки
сдуру били по нему.
Дважды вывихнута лапка,
трижды ранена спина.
Под крылом сидит дробина
и,
наверно,
не одна.
Он и стрелян, он и щипан,
и соседской Жучкой терт.
Весь в рубцах.
А на работе —
настоящий пестрый черт.
Чуть подсвистну —
и взовьется
ввысь под купол голубой,
и всю стаю, как на нитке,
так
и тянет
за собой!
Увезу,
пущу на волю
на пятнадцатой версте, —
возвращусь —
сидит хохлатый
у крылечка на шесте.
Подниму с нагула в бурю, —
Ну,
кажись,
ищи-свищи.
Нет, бродяга, чешет к дому,
словно камень из пращи.
С виду голубь неказистый,
рядовая птичья стать —
ни породистого клюва,
ни повадки не видать.
На луня похож немного
и немного на сову.
Но, однако, Ветераном
я его всерьез зову.

Мне на днях один любитель
крикнул запросто с утра:
«Слушай,
что ты портишь стаю!
Не смеши, продай одра!».
Я ответил:
«Извиняюсь,
все торги отменены
потому, что Ветерану
по заслугам нет цены».

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

Вам нравится девушка в красном?
Она симпатична и мне.
В своем полыхающем платье
она словно в вечном огне.

Глаза переполнены светом,
движенья легки и строги,
прямая уверенность речи,
мужское пожатье руки.

То книга лежит перед нею,
то в ярких разводах шитье.
Но что же она совершила,
за что уважают ее?

Рис. Ю. Костельцева

А то, что в военную пору,
у хмурой Москвы на глазах
осталась она сиротою
с сестренкой малой на руках.

Отец был убит в рукопашной
в глубокой разведке в Крыму,
а мать умерла от разлуки,
от страшной тоски по нему.

Остались две сирых девчонки
на голой судьбы произвол.
Три годика — младшей минуло,
тринадцатый — старшей пошел.

Две лодочки, вдруг потерявших
родительских рук паруса.
У младшей, у Настеньки, — челка,
у старшей, у Любы, — коса.

Два ласковых робких сердечка,
две капельки в море беды.
Одна — как степной одуванчик,
Другая — как цвет резеды.

И холод, и голод узнали,
и вздохов людских разнобой,
и плач поредевших соседей,
и горечь опеки скупой.

Меньшую немедля хотели
в Челябинск отправить, в детдом,
но старшая твердо сказала:
— Не надо. И так проживем!

Так тихо и грозно сказала
и так посмотрела притом,
что вздрогнул невольно видавший
немало угроз управдом.

Нет, Люба никак не хотела
жить с маленькой Настенькой врозь.
И тут настоящее чудо
на русской земле началось.

Узнала, разведала Люба,
дорогу к спасенью нашла
и к дальней ремесленной школе
летать начала, как пчела.

Старалась — училась, трудилась,
другим подавала пример
и вышла из цепкой напасти
на самый счастливый манер.

Рабочий паек получила
(оценку дают по делам!)
и стала паек ежедневно
делить на двоих пополам.

И с младшей справлялась. Но как же?
Вы вправе спросить в свой черед.
А так вот — справлялась и все тут!
Как вспомнит, так сердце замрет.

То добрых людей умоляла
дать Насте хоть каплю тепла,
то дома на риск запирала
и встречи, как зорьки, ждала.

А если случалась задержка —
в тревоге сходила с ума.
Варила, лечила, стирала,
одежку латала сама.

Спешила, бывало, до дому,
в мазуте испачкавшись вся,
дымящийся сверток с едою
под стеганкой Насте неся.

Кормила сестренку, поила,
меняла ей на ночь белье,
умелой рукой подстригала
упрямую челку ее.

Жалела, ласкала, любила,
как куколку, клала в кровать.
И младшая старшую стала
нечаянно мамою звать.

Вам нравится девушка в красном?
Да что говорить — неплоха.
Дай бог обязательно встретить
хорошего ей жениха.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Никите Сергеевичу ХРУЩЕВУ

Уважаемый Никита Сергеевич,

Я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству.

Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР».

Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой.

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Осознав это, я поставил в известность Шведскую Академию о своем добровольном отказе от Нобелевской премии.

Выезд за пределы моей Родины для меня равносилен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры.

Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен.

Б. ПАСТЕРНАК

31 октября 1958 г.

Заявление ТАСС

В связи с публикуемым сегодня в печати письмом Б. Л. Пастернака товарищу Н. С. Хрущеву ТАСС уполномочен заявить, что со стороны советских государственных органов не будет никаких препятствий, если Б. Л. Пастернак выразит желание выехать за границу для получения присужденной ему премии. Распространяемые буржуазной прессой версии о том, что будто бы Б. Л. Пастернаку отказано в праве выезда за границу, являются грубым вымыслом.

Как стало известно, Б. Л. Пастернак до настоящего времени не обращался ни в какие советские государственные органы с просьбой о получении визы для выезда за границу и что со стороны этих органов не было и не будет впредь возражений против выдачи ему выездной визы.

В случае, если Б. Л. Пастернак пожелает совсем выехать из Советского Союза, общественный строй и народ которого он оклеветал в своем антисоветском сочинении «Доктор Живаго», то официальные органы не будут чинить ему в этом никаких препятствий. Ему будет предоставлена возможность выехать за пределы Советского Союза и лично испытать все «прелести капиталистического рая».

Собрание писателей Ленинграда

«ПРИЗНАТЬ удовлетворительной...» Так оценило работу своего выборного руководящего органа недавнее общее собрание ленинградских писателей...

Было бы неверно умалять сделанное ленинградскими писателями за два последних года. Издано около пятисот книг, и среди них — сотня новых романов, повестей, сборников рассказов. За время после Второго съезда писателей принято в союз 26 молодых воспитанников литературных групп и объединений города; проведена областная конференция молодых писателей; выпускаются интересные сборники произведений начинающих авторов. Наладились шефские связи с литераторами соседних областей — Псковской, Новгородской, а также Калининградской и Мурманской. Предприняты выезды групп писателей в колхозы и совхозы Ленинградской области. Делаются решительные шаги по созданию истории фабрик и заводов, инициатива возобновления которой принадлежит ленинградцам.

Но, разумеется, главный показатель работы ленинградских писателей — книги о современности, и, понятно, самым важным на собрании было, в конце концов, то, что писатели говорили о новых книгах М. Жестева, Д. Гранина, Ю. Германа, Н. Верховской, Н. Дементьева и других.

К сожалению, большие работы ленинградских прозаиков на современную тему обсуждались на собрании недостаточно широко, критично и содержательно. Правда, в докладе правления говорилось, например, об интересном романе М. Жестева «Золотое кольцо», что в этом произведении выдвинут новаторский конфликт. Но эта мысль получила развитие лишь в одном выступлении Е. Васютиной, отметившей также, что М. Жестев ведет в своем романе прямой разговор с читателем. «Некоторые называют это очерковостью, — сказала Е. Васютина. — Ну, что же, это хорошая, нужная нашей литературе очерковость!»

О новых романах Д. Гранина и Ю. Германа было сказано на собрании и того меньше. Докладчик и некоторые выступавшие не без основания сетовали на затянувшееся молчание критики, на малое количество рецензий об этих книгах, но никто не выдвинул каких-либо серьезных, проблемных положений, которые бы глубоко раскрывали идеи и образы романов «После свадьбы» и «Дело, которому ты служишь».

ТАК в главных чертах выглядела самая, на наш взгляд, существенная сторона собрания, посвященного итогам работы писателей за два года в канун Первого съезда писателей РСФСР. Между тем разве не было предмета для большого творческого разговора? Вместе с выступившим на собрании секретарем Ленинградского горкома КПСС А. Петровым мы не разделяем чересчур оптимистического представления Е. Васютиной о том, как выполняют писатели Ленинграда свой долг перед народом, перед современностью. Почему же так мало чувствовалось на собрании подлинной, хозяйской заинтересованности в развитии литературы, в осмыслении ее насущных проблем?

Нет, совсем не потому, что эта заинтересованность отсутствует у ленинградских писателей. Она звучала в той горячей и глубоко справедливой полемике, которую вел на собрании А. Прокофьев с необоснованными упреками в адрес поэмы А. Твардовского «За далью — даль». Она, эта заинтересованность, выразилась в призыве докладчика больше и своевременней рецензировать выходящие книги, не делая никаких скидок на актуальность и злободневность; в скрупулезности и деловом пафосе доклада ревизионной комиссии (М. Подзелинский); в заслуженных похвалах Л. Рахманову, В. Рождественскому и другим писателям, отдающим много времени и сил воспитанию литературной молодежи (об этом говорили А. Прокофьев, В. Панова, В. Азаров); в выступлениях представителей «Невы» (Е. Серебровская) и «Звезды» (Г. Холопов), поделившихся широкими и интересными планами журналов на будущий год; в попытке А. Эльяшевича поставить перед собранием некоторые теоретические проблемы современной литературы; наконец, в речах В. Саянова и Н. Ходзы, о которых хочется рассказать несколько подробнее.

Одной из главных задач, стоящих сегодня перед русскими писателями, В. Саянов считает обогащение языка литературы.

— В свое время под руководством А. М. Горького мы провели большую и очень нужную борьбу за общерусский литературный язык, — говорил оратор. — Но получилось так, что мы стали пренебрежительно относиться к местным речениям, утратили богатые речевые оттенки, свойственные областным диалектам, подчас не даем отпор тенденциям нивелировки, сглаживания литературного языка.

В. Саянов остановился также на вопросах дальнейшего развития нашей поэзии. В поисках новых стихотворных форм, сказал он, нам не следует забывать фольклора — неисчерпаемой сокровищницы творчества родного народа. Речь идет не о подражании, подчеркнул В. Саянов, а о синтезе лучших достижений поэтической культуры с народным творчеством, как это, например, делает в своих лучших произведениях А. Прокофьев. В. Саянов считает, что именно в этом направлении и должна развиваться наша поэзия. С большой обидой говорил писатель об инертности библиотечных работников в деле распространения и популяризации поэтических сборников, о низких издательских тиражах, серьезно мешающих поэтам обращаться к широкой читательской аудитории.

Н. Ходза посвятил свое выступление вопросам детской литературы. Он справедливо упрекал писателей и Детгиз в отсутствии большого, умного разговора с детьми обо всем, чем живет наш народ и что волнует ребенка. «Надо серьезно потеснить зайчиков и кошечек детской литературы, дать нашим юным читателям выход в широкий мир нашего труда, нашей борьбы, — призывал оратор. — Надо открыть настоящей писательской публицистике широкую дорогу». Н. Ходза поделился некоторыми интересными замыслами ленинградских детских писателей, рассказал о плане создания увлекательного, романтичного сборника «Ленинград — город рабочих». Если судить по некоторым детским книгам, то может создаться нелепое представление, будто народ только и занят ловлей шпионов, охотой, дрейфованием на льдинах и прыжками с парашютом. Пора отрешиться от представления, будто романтику можно найти лишь в профессии следователя и разведчика, говорил Н. Ходза.

КАК ВИДИМ, писатели Ленинграда умеют и хотят обсуждать принципиальные вопросы литературной практики. Почему же тогда, как отметили в своих выступлениях гости ленинградцев — С. Михалков и секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков, такое большое место, особенно в начале прений, заняли на собрании хозяйственные и организационные проблемы (выступления В. Пановой, П. Капицы, А. Бартэна и некоторых других)? Почему на таком ответственном собрании оказалось возможным заявление В. Кетлинской об «антипатии», которую она испытывает к одному из своих товарищей по профессии, почему не получил должного отпора глубоко обидный, оскорбительный тон ее замечаний в адрес критиков А. Эльяшевича и А. Дымшица? Почему в разговоре о журналах «Нева» и «Звезда» дело доходило чуть не до требований монополии для ленинградских писателей? Неужели есть среди ленинградцев люди, серьезно думающие, что «Нева» обмелеет от дружбы с Доном и Амуром? Почему, наконец, некоторые выступавшие оказались вынужденными оспаривать необоснованные упреки и непродуманные высказывания своих коллег вместо серьезного и глубокого анализа литературных успехов и просчетов ленинградских писателей?..

На наш взгляд, правление Ленинградского отделения Союза писателей не всегда умело направить энергию и ум писательской организации на коллективное обсуждение больших политических и творческих проблем. Думается, прав был секретарь горкома КПСС А. Петров, сказавший на собрании, что «недостатков и просчетов было все-таки больше, чем следовало бы ожидать от такого квалифицированного и талантливого коллектива, каким являются ленинградские писатели».

Д. СТАРИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

СЪЕЗД МОЛДАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Первого ноября открылся Второй съезд писателей Молдавии. С докладом на съезде выступил председатель правления Союза писателей Молдавии Ем. Буков. В первый день выступили Г. Менюк, А. Козмеску, Б. Трубецкой, Н. Романенко и другие. С приветствием от Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии выступил секретарь ЦК Д. Ткач. Съезд приветствовали представители братских писательских организаций. Работа съезда продолжается. Подробный отчет будет опубликован в одном из ближайших номеров.

КИШИНЕВ. (Наши собкоры.)

Праздничные интервью

В БУХТЕ ИЛЬИЧА

НАЗВАНИЯ бывают очень живучи. Бакинцы все еще говорят «Остров Артема», хотя этот «остров» уже несколько лет назад соединен дамбой с материком и туда ходит электричка. И все же промысел, на котором я работаю, продолжают называть «Бухта Ильича», но теперь это суша: советские люди засыпали бухту, отвоевав у моря огромный нефтеносный район.

Я — молодой специалист, работаю на нефтепромысле всего третий год. Но и на моей памяти произошло уже немало чудесных изменений. Последнее из них — телеуправление, позволяющее одному человеку контролировать работу десятков скважин. Новая техника породила и новые профессии, заставила многих рабочих-нефтяников серьезно заняться повышением своего технического и культурного уровня. Приведу в пример свою бригаду. Нас 12 человек. Помощник мастера Акиф Нагиев и замерщица Людмила Арефьева — заочники Индустриального института, оператор Азад Юртиев и замерщица Асмик Абрамян заканчивают нефтяной техникум. Несколько рабочих посещает вечернюю школу.

О бакинских нефтяниках написано много книг и Мехти Гусейном, и Манафом Сулеймановым, и Имраном Касумовым, и другими. Совсем недавно мы с интересом смотрели новую пьесу Дж. Мединнунбекова «Бухта Ильича». Но, к сожалению, большинство произведений повествует о пройденных этапах, а нам очень бы хотелось, чтобы наши литераторы показали своих современников.

В 1928 году Баку посетил М. Горький. Прямо с вокзала Алексей Максимович отправился на нефтяные промыслы, затем посетил нефтеперерабатывающие заводы. Результатом этой поездки явился взволнованный очерк о героических буднях нефтяников.

Пусть помнят об этом примере активного вторжения в жизнь советские литераторы и следуют ему.

Встречая праздник Великого Октября, рабочие, колхозники, ученые с великой энергией трудятся на благо своей Родины. Долг писателей — воспеть созидательный труд народа, творящего чудеса.

Октай РЗАЕВ,
мастер нефти

ШИРОКИЕ ГОРИЗОНТЫ

В ЭТОМ году я поступила в Украинскую сельскохозяйственную академию. Сдала экзамены, прошла по конкурсу и теперь студентка агрономического факультета.

Вспоминаю то, что случилось четыре года назад. Закончила в 1954 году школу в Сагуновке — это мое родное село на Черкащине — и вместе с подружками поехала в Житомир поступать в Сельскохозяйственный институт. И, как это со многими бывает, провалилась, не прошла по конкурсу. Очень переживала тогда. Даже стыдилась домой возвращаться. После этого четыре года, вплоть до начала занятий в академии, работала в сагуновском колхозе «Коммунар». И не я одна, а все девять девушек нашего села, получившие аттестаты зрелости. Держались мы дружно. Старались, как говорится, вовсю. Сначала присматривались, как работают другие, а потом организовали свое звено — «девичье», как его тогда называли. Обязались получить в 1955 году 80 центнеров зерна кукурузы с каждого из 10 гектаров. А когда получили по 90, даже сагуновские старожилы удивились — никто не помнил такого урожая. После этого мы по-настоящему воспрянули духом. На следующий год решили вырастить по 110 центнеров зерна на площади 15 гектаров — собрали по 115. В 1957 году получили по 125.

В феврале этого года всех членов нашего звена правительство наградило орденами и медалями, а мне, звеньевой, присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Нынешней весной я выступила на XIII съезде ВЛКСМ и от имени звена заверила делегатов, что в честь сороковой годовщины комсомола мы вырастим по 130 центнеров зерна и по тысяче центнеров зеленой массы кукурузы с каждого гектара. Слово свое мы сдержали.

Вот так мы работали эти четыре года. Строго за агротехникой следили, изучали опыт передовиков, трудились не покладая рук. А учиться все равно хотелось. Две девушки из нашего звена заочно окончили Масловский сельскохозяйственный техникум, остальные учатся или готовятся поступить на учебу. В Киев я приехала с дипломом младшего агронома.

Трудно ли учиться? Трудновато, конечно. Но все же гораздо легче, чем сразу после десятилетки. Что я знала раньше? Как уроки готовить да как маме по хозяйству помочь, и то она меня жалела: «Ладно, я сама, иди занимайся».

Теперь-то я многое в жизни понимаю и в колхозном производстве разбираюсь. Слушаю лекции по агротехнике, например, — вижу перед собой колхозное поле.

Ныне у меня вдвойне праздник — есть что вспомнить, есть на что оглянуться, а главное, впереди широкие горизонты. Я очень счастливая.

Анна ИЛЬЧЕНКО,
Герой Социалистического Труда

МИССИЯ ДРУЖБЫ

41-ю ГОДОВЩИНУ Великой Октябрьской социалистической революции наш коллектив — Государственный хореографический ансамбль «Березка» — будет отмечать вдали от Родины: в эти дни мы будем находиться в Соединенных Штатах Америки. За последние годы наш ансамбль побывал во многих странах Европы, Азии и Африки. В США нам хочется познакомить американских зрителей с красочным искусством русского народного танца.

Наши гастроли за океаном будут проходить 75 дней. За это время мы выступим в различных городах и дадим 70 концертов. Во время пребывания в Соединенных Штатах Америки мы намереваемся ближе познакомиться с американским хореографическим искусством.

Искусство — важное средство сближения народов. И весь коллектив «Березки» полон горячего стремления содействовать укреплению дружбы и сотрудничества двух наших народов в интересах прочного мира во всем мире.

Н. НАДЕЖДИНА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Джо УОЛЛЕС,
канадский поэт

Все мои братья прекрасны

В семье нашей рослы и крепки сыны —
Плечисты они, высоки и стройны,
Мне, самому младшему, в дружбе верны;
Не сломлены трудной нерадостной долей,
Прекрасные, сильные братья мои.

Покинув с котомкой родительский дом,
Вы долго по свету бродили потом,
Вы бури встречали в просторе морском
И всюду соседями добрыми были,
Прекрасные, сильные братья мои.

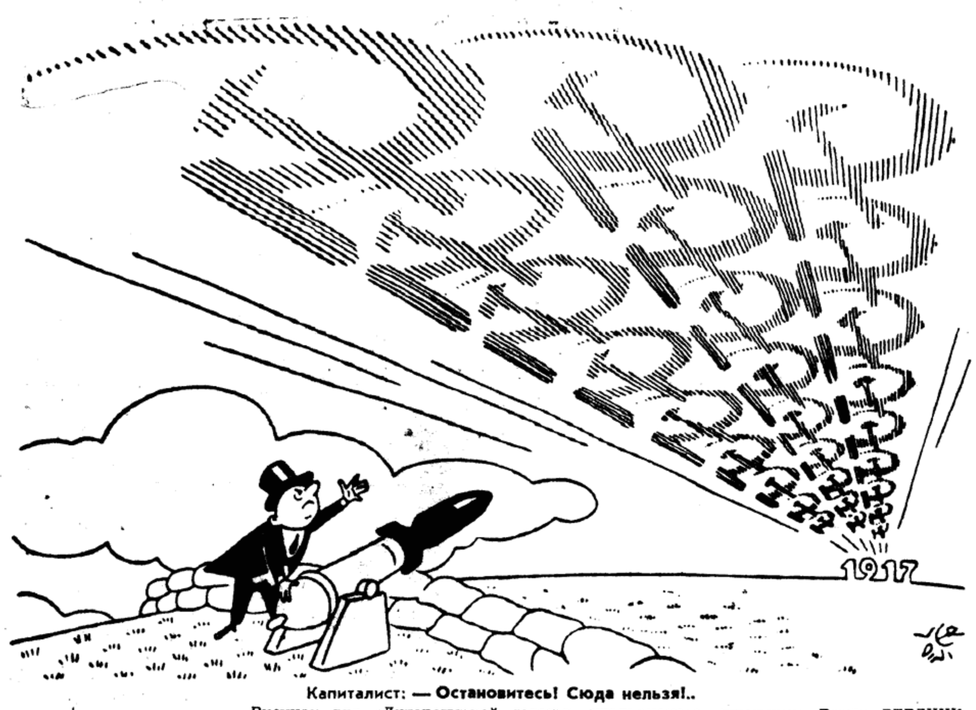
Вас грабила жадная клика господ,
Из вас выжимали безжалостно пот,
Но не был молчанием скован ваш рот, —
Вы были полны возмущенья,
Прекрасные, сильные братья мои.

«За веру отцов и родную страну»
Банкиры вас гнали, как скот, на войну,
А сами свою набивали мошну;
Но ныне глаза вы открыли,
Прекрасные, сильные братья мои.

Один бледнолиц, а другой чернокож,
Но братства прочней, чем у вас, не найдешь,
Его не подточит расистская ложь.
Вы пролитой кровью сроднились,
Прекрасные, сильные братья мои.

Веселая радуга вспыхнет во мгле,
Цветы расцветут в небывалом числе,
Мы выстроим социализм на земле,
И людям, как членам всемирной семьи,
Скажу я: «Прекрасные братья мои!»

Перевел Б. ДНЕПРОВ



Капиталист: — **Остановитесь! Сюда нельзя!..**
Рисунок для «Литературной газеты» итальянского художника Рауля ВЕРДИНИ

ДУХ ОКТЯБРЯ

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Если жить вразброд,
как махновцы хотят,
буржуазия передушит нас, как котят.

Что единица?
Ерунда единица!
Надо
в партию коммунистическую объединиться.

И буржуи,
какими б ни были ярыми,
побегут
от мощи
миллионных армий.

В. МАЯКОВСКИЙ

ВОСПЕВАТЬ и осмысливать значение нашей социалистической революции никогда не перестанут философы и поэты. Великий Октябрь — самое крупное, самое вдохновляющее событие последних веков истории человечества. Это очевидно теперь не только друзьям революции, людям труда во всех странах мира, угнетенным народам, восставшим против гнета империалистов,— это ясно и самым лютым, заклятым врагам дела социализма. Первые — а это большинство населения нашей планеты — видят в Октябре зарю новой эры, начало эпохи перехода от капитализма к социализму, вторые — их меньшинство — хотели бы повернуть вспять колесо истории, вычеркнуть из нее «хотя бы» один день — 7 ноября 1917 года.

Воздействие нашей революции — от выстрела «Авроры» до запуска спутника — на жизнь всего мира бесспорно. Славная и суровая, полная ярких страниц история нашего времени неизменно, каждой своей строкой возвращает нашу мысль к величавым событиям дней, «которые потрясли мир». От них берет начало исполинская созидательная работа народов нашей страны; они вдохновили лучших людей Китая и Чехословакии, Польши и Венгрии, Вьетнама и Румынии, Германской Демократической Республики, Болгарии, Албании, Кореи, Монголии, ныне успешно созидающих новую жизнь на основах социалистических отношений; в них почерпнули мужество и решимость народные массы колоний, ныне уже подорвавшие и продолжающие сокрушать подлую систему колониализма.

Во весь рост встает перед нами важный и коренной вопрос — о чертах человеческой личности, воспитанных Октябрем. Какие качества, какие стороны деятельности, какую мораль восславила и продолжает пестовать в новых молодых поколениях Октябрьская революция? Как повлияла она на сознание людей?

Слепота крота-обывателя, собственника, аристократического сноба или воспитанного буржуазией раба, загнанного в страшный тупик тусклой обыденщины... И, напротив, свободный, проникновенный взгляд человека, перед которым открылись широчайшие горизонты, который увидел прекрасное будущее...

Таково основное противопоставление, которое возникает, если сравнишь человека, еще не разбуженного идеями нашей революции, и того, кто уже очнулся от сна. Сон этот навеян на миллионы и миллионы людей всей действительностью буржуазного общества. Сну способствует церковь, религия, что держит в своем плену обездоленных, убеждая их в «неизменности» всего земного, в том, что счастье возможно только в ином мире, «на небесах». Ему способствует всевластие богачей, бесправие бедняков, неравенство рас, зависимость одних, «извечно», «издавна» отсталых и слабых стран, могущество других, сильных держав.

К жизни, борьбе, знанию, творчеству призвала народные массы Октябрьская социалистическая революция. «Ум, честь и совесть нашей эпохи», — так охарактеризовал партию революции, партию коммунистов Владимир Ильич Ленин в 1917 году.

Как верно, как точно это образное определение! Партия подняла миллионы обманутых, угнетенных, придавленных вековым гнетом людей на огромную историческую вышку. И с вышки было видно: не «вечен», не неизбежен тот гнусный порядок, при котором России было «определено свыше» быть нищей, темной, отсталой страной капиталистического мира, а подавляющей массе ее населения — мириться с рабьей долей и угнетением.

Бесчисленные голоса людей правящего класса, их прислужников из рядов буржуазных политиканов, меньшевиков, христолюбивых радетелей смирения и покорности твердили: не смей, ты погибнешь, куда тебе, неграмотному, управлять государством, посмотри, какая сила стоит за старым порядком! Эта сила казалась «несметной»: то были не только отечественные миллионеры и генералы, но миллиардеры американские и английские, французские и германские, их армии, их флоты, их «мудрые» политики.

К предупреждениям трусов и хозяйских надсмотрщиков присоединялись и голоса эстетов, «избранных богом» служителей искусства. Они пели хвалу и смирению, и «красоте» мученичества, они боялись «толпы», которая, в их представлении, не может, не способна понять «таинств» поэзии. Пусть несправедлив, плох старый мир: его не надо менять, ибо это грозит «торжеством хама», «гибелью культуры...»

А партия Ленина утверждала: нет, старый прогнивший мир должен быть сломан, на его обломках будет построено новое, справедливое общество. Россия может стать и станет могучей и просвещенной! Для того, чтобы изменить мир, надо бороться, нужны самоотверженность, смелость, решимость, сплоченность. Единственный путь к этому—социализм. Ленин писал: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

Русский народ — рабочие, крестьяне, солдаты вырвались тогда, в 1917 году, из мрака той беспросветной кротовьей норы, в которую загоняют труженика помещик, капиталист, церковь, буржуазная пресса. Ленинский план построения социализма был принят народными массами. Это и породило в них ту исполинскую силу и решимость, которые изумляли наших врагов на фронтах гражданской войны, которые затем помогли советскому народу преодолеть разруху и голод, восстановить разрушенное, с величайшим героизмом и самопожертвованием создать могучую индустрию, коллективное хозяйство в деревне, овладеть высотами науки и «тайнами» управления государством.

Именно в ту пору, когда народ, пошедший за партией, вершил все эти великие дела, — пребывали где-то в подполье или в своей «башне из слоновой кости» те, кто «не принял революции», те, кто не видел в жизни ничего более важного, ценного, кроме своей «утонченной», «изысканной» личности. Восхваляя таких отщепенцев, западногерманская газета «Франкфуртер альгемейне цейтунг» недавно утверждала, что, каковы бы ни были завоевания Октябрьской революции, «человек оказался вне ее досягаемости».

Нет, именно человека преобразила наша великая революция. Она вдохнула в него уверенность в возможности лучшей жизни, воодушевила на подвиг. И те миллионы солдат, рабочих, крестьян, «грубость» и «грязная» нищета которых так пугала и отталкивала рафинированного интеллигента, которые представлялись ему «безликой массой», стали личностями в лучшем смысле этого слова. А рядом с ними росли следующие поколения образованных сыновей и дочерей, внуков и внучек. Из рядов рабочих и крестьян вышла наша советская, подлинно народная интеллигенция. Миллионам, а не одиночкам доступны теперь и «тайны» искусства, и монбланы науки, и вдохновенье самостоятельного творчества. Смешно было бы представить себе среди этих людей, выращенных революцией, хотя бы одного, который принял бы философию отщепенца, «избранника божьего», ненавидящего народ, массу, коллектив, революцию.

Два типа людей, два типа характеров предстали перед миром в дни второй мировой войны. Пятнадцать европейских капиталистических государств лежали тогда у ног фашистских завоевателей. Их порабощению содействовали не только мюнхенцы, предатели из числа политиков, но и вся психология покорности, обреченности, та готовность лучше жить на коленях, чем умереть стоя, которую воспитывает в людях буржуазия.

Героизм, несгибаемую волю к победе, решимость бороться до конца проявил тогда воспитанный Коммунистической партией советский человек. 22 июня 1941 года — тяжелая, мрачная дата в нашей жизни. Но это был день, когда гитлеризм подписал себе смертный приговор. Ни индустриальная мощь всей Европы, ни огромные армии, ни выгоды внезапности — ничто не смогло оказаться сильнее, чем моральная сила народа, строившего и уже построившего социализм. За страшными, кровавыми нивами небывалой, жестокой войны видел грядущую нашу победу русский, советский простой человек. Он не желал покориться силе, — казалось бы, снова «несметной». И он победил. Больше того, как это было и в октябре 1917 года, пример советского народа вдохновил народы других стран, вдохнул в них надежду, поднял их на борьбу. Тот самый буржуазный европейский интеллигент, который сочинял мистические песнопения фашистской «белокурой бестии», который боялся крови и предпочитал видеть свой родной город неразрушенным, хотя и порабощенным, был потрясен обликом «погибшего», но бессмертного Сталинграда. Недаром это слово на всех языках звучит одинаково, и недаром — на века — оно стало символом чести, мужества, героизма, решимости бороться за правое дело.

Вспомним картину мира в канун Октября. Горстка богатых, развитых в экономическом отношении западных держав участвовала в то время в истребительной, кошмарной для народных масс войне, целью которой было — переделить уже поделенный мир. Но для полутора с лишком миллиардов людей на земле было совершенно безразлично, кто их эксплуатирует, кто выжимает из них все соки — банкиры английские или германские, бизнесмены с Уолл-стрита или парижские ростовщики. А немцев, французов, индийцев, японцев, жителей африканских и азиатских колоний заставляли проливать кровь все за то же, за сохранение этого чудовищного, неравноправного разделения мира, — разумеется, под самыми «красивыми» лозунгами «защиты отечества» и «борьбы за свободу».

Войну преступной войне объявила одна партия — партия русских большевиков, партия Ленина. Мир хижинам, война дворцам! — таков был ее лозунг, близкий массам, принятый массами. Русские люди хотели жить в мире со всеми другими народами, и лозунг всеобщего мира, сотрудничества и равноправия всех наций и рас стал знаменем Великой Октябрьской социалистической революции, знаменем и программой созданного ею Советского государства.

Великим подвигом русского народа следует назвать все сделанное в те годы в нашей стране. Этот подвиг состоял в том, что немедленно после героических дней Октября были уравнены в правах народы «метрополии» — России, бывшей империи, и народы ее колоний — на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Ни один народ до того не совершал такого благородного подвига: в течение многих лет происходило подлинное уравнивание прав, жизненного уровня, индустриального развития, образованности между ранее развитыми республиками СССР и республиками, возникшими на землях недавних колоний.

Советское государство явило миру образец подлинного и полного равноправия наций, населяющих нашу страну. Вместе с другими народами СССР начал русский народ исполинскую работу по строительству могучей социалистической экономики. Вместе с другими осуществил он величайшую культурную революцию. И ныне гость из капиталистического общества удивляется тому, что спутник, нами запущенный; хлеб, в таком изобилии нами собираемый; наука, двигающая вперед все отрасли нашего хозяйства,— все это завоевания, достигнутые людьми всех наций Советского Союза, все это носит название — советское, социалистическое.

Четыре десятилетия назад версальские «миротворцы» во главе с президентом Вильсоном отводили России то жалкое место, которое, по их мнению, она и «должна была» занимать: положение полуколонии мирового империализма. А теперь ленинская Россия стоит во главе всего прогрессивного движения человечества, а с нею рядом и Китай, когда-то полуколония, преображенный неузнаваемо: это могучая, идущая вперед семимильными шагами держава, успевшая уже сделать свой народ единым и процветающим. И с нами же — народы многих других стран, вставших на путь социализма.

А народы бывших и еще существующих колоний так же уверенно говорят: порядок будет изменен, он не вечен, мы тоже перестанем платить дань капиталистическим монополиям. Именно Октябрьская революция помогла индийцам и индонезийцам, арабам и жителям Черной Африки высоко поднять склоненные головы: человек встал во весь рост, осознав, что и ему есть место под солнцем. Распад системы колониализма продолжается. Когда он произойдет окончательно, — изменится и положение в так называемых «ведущих» западных странах: если народы этих стран сохранят у себя систему капитализма, их призрачное и относительное «благополучие» померкнет. Ведь, например, те два миллиарда долларов сверхприбыли, которые ежегодно извлекают только нефтяные монополии США из своих зарубежных (то есть чужих) нефтепромыслов, будут неизбежно «содраны» этими монополиями с американских трудящихся...

Да, с вышки хорошо глядеть, видно далеко-далеко. Как мелок, жалок тот человек, который сознательно отказывается забраться на эту вышку, уходит в свою нору обывателя, судит обо всем с точки зрения нынешних своих «удобств»!

Дух Октября зовет и сейчас каждого советского человека к великим дерзаниям. Юноша нашего времени не «беднее» возможностями, чем его отец, шедший на штурм Зимнего и ликвидировавший патриархальную жизнь в деревне. Перед молодыми людьми—новые и еще более увлекательные перспективы гигантских свершений во всех уголках необъятной Советской страны. Сыновей Октября не заманит ни идиотизм жизни обывателя, ни идиотизм сноба от искусства.

Огромно влияние Великого Октября на жизнь и будущее всех народов. Всюду, везде люди труда узнали и поверили, что счастье возможно здесь, на земле, что его можно создать своими руками. Они узнали, что мир капиталистической эксплуатации не вечен, что можно победить даже войну, это главное зло, порождаемое капитализмом, что народы могут жить в дружбе и тесном сотрудничестве. А слово «человек» потому и звучит гордо и потому его можно писать с большой буквы, что он может и должен стать смелым творцом собственной своей судьбы.

К вопросу о темпах развития
Рисунок из американской газеты «Миннеаполис стар»

С мыслью о Москве

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
польский писатель

НЕ СКРОЮ: давно уже мечтаю я побывать на трибунах Красной площади, чтобы, как говорится, «воочию» увидеть парад и демонстрацию Первомая (весной ярче и нежнее краски дня) или походить по московским улицам в дни праздника Октября. Нет, я не ошибся, поставив слово воочию в кавычки: дело в том, что хронику о парадах на Красной площади доводилось видеть в кино не раз. Я не отрицаю впечатляющей силы кино. Но что может быть более зримо для писателя, чем выражение глаз, игра чувств на лицах, краски праздничной толпы? На экране этого не ощутишь.

Увы! Писательская жажда познания мира бросает меня то в Европу, то в Китай или Вьетнам, то в Индию, и мечта никак не осуществляется. А если я и сижу в Варшаве, то надо работать, надо отчитываться перед народом — писать книги, рассказывать о виденном.

И вот сегодня я мысленно снова в Москве, у стен седого Кремля. Но странно: какое-то двойственное чувство охватывает меня, когда я набрасываю перед собой картину праздничной площади. С одной стороны, — легкая печаль несбывшейся мечты, а с другой, — гордость. Да, гордость! Ведь на трибуне Мавзолея в этом году будут стоять наши посланцы — товарищи Гомулка, Завадский, Циранкевич, вся польская делегация. Рядом с советскими друзьями они будут любоваться безупречной выправкой проходящих церемониальным маршем солдат и офицеров... Играет еще во мне кровь молодого командира, каким я был двадцать лет назад: пройтись бы и мне вот таким четким, печатающим шагом! Простите меня, читатель, но что поделаешь, когда, словно старый боевой конь при звуке трубы, я испытываю этакий молодой задор...

Да, наши старшие товарищи смогут вволю наглядеться на изумительное зрелище, каким будет демонстрация москвичей. Я искренне, по-хорошему завидую им и вместе с тем радуюсь — хорошо быть в одной семье, хорошо быть другом вашей великой страны! Невольно чувствуешь себя участником всемирного дела — дела освобождения человеческого общества от скверны и зла, которые раз и навсегда вскрыты Октябрем. А когда распознана болезнь, когда правильно поставлен диагноз, вопрос о ее лечении — дело решенное, требующее только времени.

У нас в Варшаве сейчас много говорят о визите польской делегации в Советский Союз. Я уверен, что вам хорошо известно это, и потому коротко скажу только одно: после всех недоразумений и визгов, имевших место у нас за последние годы, пришло время покончить, положить предел всему, что мы называем «мутной волной». Нет, разумеется, она вовсе не захлестнула мою страну — просто в бурном потоке нашей жизни вдруг появилась, если так можно выразиться, некая мутная струя. Всегда, во все времена и во всех странах, находились и находятся этакие «пророки» и «открыватели» Америки через форточку. Нашлись они и у нас, в Польше. Но очень скоро получили решительный отпор.

Нашей дружбы, нашего вечного союза с вами никто и ни при каких обстоятельствах никогда не разрушит. Это так же непреложно, как то, что Волга впадает в Каспийское море, а Варшава, моя дорогая Варшава, стоит на Висле.

Когда я думаю о том, что нас связывает, я вспоминаю горькие дни сентябрьского поражения. Преданные и брошенные нашими «вождями» и «полководцами», мы отступали под натиском фашистов на восток — к границам Советского Союза. И каким же радостным событием оказалось для нас первое соприкосновение с правдой! Советские солдаты прежде всего оказали помощь раненым польским бойцам. Больше того: при первой же возможности они помогли нашим людям найти кров и пищу на гостеприимной советской земле и в час тяжелейшего испытания проявили подлинно русское радушие и понимание нашей национальной трагедии.

Этого не забудет ни один польский патриот!

Мне незачем повторять здесь известные всему миру истины: национальное и социальное освобождение моей страны осуществилось благодаря братской помощи советского народа. И это навеки останется в нашей истории. Скажу лишь, что нынешний визит польской делегации еще раз подтверждает тот факт, что дружба наша, братство наше, союз наш — нерушимы вовеки! Недаром же всегда, и особенно в эти дни, так многолюдно у памятника советским воинам, украшенного яркими цветами.

***

Эхо Октября гремит по всей земле. В Польше, которая победно идет по пути социализма, сейчас очень напряженный творческий период: народ готовится к III съезду ПОРП, который должен не только закрепить наши достижения, но — что самое главное — сделать новый огромный шаг вперед, к социализму. Вы не найдете сейчас ни одного равнодушного поляка или польки — каждый говорит о планах на ближайшие семь лет, о расцвете нашей отчизны, о будущем.

А оно, лучшее будущее, невозможно без союза и сотрудничества с СССР. Это неоспоримо.

То, что было начато в октябре 1917 года в России и задержалось у нас в Польше из-за некоторых обстоятельств, теперь развертывается с необычайной силой. Подумайте сами: моя страна, находившаяся до второй мировой войны на семнадцатом месте в Европе по уровню промышленного производства на душу населения, сегодня — за такой неслыханно короткий для истории срок, как 14 лет, — вышла на пятое место!

Да что тут говорить! Вообще все то, что свершилось и каждый день свершается на польской земле, было бы просто немыслимо в условиях довоенной Польши. Ну, о каких Новых Гутах или Кендзежине могла мечтать старая Польша? А Дворец культуры и науки, стадионы, восстановленная Варшава, верфи в Гдыне, Щецине и серные разработки в Пясечно? Мне кажется, что не хватило бы всех четырех полос «Литературной газеты», чтобы перечислить то новое, что вошло в нашу жизнь как непосредственный результат и наследие Великого Октября.

Но главное, самое главное — это наши люди. Когда я беседую с Мацеком Билинским и спрашиваю его, что он думает о визите Владислава Гомулки в Москву и вообще о России, то Мацек — этот пресловутый Мацек, описанный Сенкевичем и Прусом! — снисходительно смотрит на меня и отвечает: «Видите ли, товарищ Гомулка поехал потому, что это очень нужно всем нам, этого желает народ... Ну, а насчет СССР и говорить не приходится, вы сами знаете, что не от канцлера нам помощи ждать, не тот Федот!» И мне просто хочется расцеловать Мацека.

С чувством непередаваемой радости и гордости смотрю я на свою отчизну. Престиж ее стал незыблемым, сама она теперь уже не «задворки Европы», а сильное, независимое, суверенное европейское государство. Голос Польши не только звучит на международной арене, — он заставляет прислушиваться к нему даже наших врагов. «План Рапацкого» вынудил некоторых господ не раз почесать в затылке, прежде чем атаковать его. Об этом плане говорит весь мир, о нем неизменно думает каждый европеец, которому не хочется умирать неведомо за что, да еще атомной смертью.

И он не умрет!

Силы мира победят силы войны. Это ясно. А то, что в мире идет и должна идти неустанная, повседневная борьба против попыток развязать новую бойню,—закономерно. Под лежачий камень и вода не течет, как говорят наши русские друзья. Мир нам никто не поднесет на блюдце с голубой каемкой, — его нужно добыть в трудной, но благородной борьбе против всех тех, кому Октябрь и последующие годы освобождения человечества от эгоистического тумана стали поперек горла.

И я глубоко верю — эта идея, идея мира, победит!

ВАРШАВА, 3 ноября. **(По телефону)**

Вспоминая семнадцатый год...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

сил и мужества. Однако большинство людей, зараженных глубоким консерватизмом, обычно высказывает предвзятое предпочтение той социальной системе, при которой они живут. Убежденные в том, что только их образ жизни является единственно правильным и достойным, они с большим трудом воспринимают новый строй, самым радикальным образом отличающийся от их собственного. Считая, что такая огромная страна, как Россия, не сможет долго просуществовать на социалистической основе, они не переставали с надеждой выискивать какие-либо признаки возвращения капиталистических порядков.

Когда в 1928 году я вернулся в Америку из поездки в СССР, очень известный издатель Герберт Бэярд Своуп предложил мне написать серию статей для ряда принадлежавших ему газет. «Вам будет предоставлена,—уверил он меня,—полнейшая свобода. Все, что от вас требуется, это показать, как незаметно, но постепенно в России снова закладываются основы нашего общества: рента, проценты и прибыль». Точно так же, как старый русский крестьянин веровал, что мир покоится на трех китах, этот почтенный издатель искренне верил, что всякое здоровое и развивающееся общество — более того, сама цивилизация! — покоится на этих трех капиталистических китах: ренте, процентах и прибыли.

Это недоверие к силам и динамичности социалистического общества проявилось и в тот момент, когда легионы нацистов, находившихся в зените своей военной мощи, двинулись в 1941 году на советскую землю. «Россия—это колосс на глиняных ногах, — вопили скептики.— Еще несколько недель, и флаги со свастикой взовьются на кремлевских башнях!» А затем наступила Сталинградская битва — разгром и беспорядочное бегство нацистов, победный марш Красной Армии на Берлин. После этого триумфа и тех, что последовали за ним почти во всех областях деятельности, полностью испарились все иллюзорные надежды на подрыв мощи и неустойчивость советского строя; остались эти иллюзии разве только в умах горстки твердолобых упрямцев. Как заявил Эдлай Стивенсон своим слушателям после недавней поездки в Россию: «Если у кого-нибудь есть еще надежды на крах социалистической системы, пусть он расстанется с ними раз и навсегда!»

Как ни внушительны достижения Советского Союза — в области образования, на международных Олимпийских играх, в запуске спутников и в исследованиях Арктики,—они становятся еще более внушительными и значительными благодаря тому факту, что все это достигнуто под эгидой социализма. Эти достижения свидетельствуют о том, как настойчиво и успешно советские люди выполняют обязательство, взятое Лениным 41 год тому назад, преодолевая неслыханные препятствия и проходя через мучительные испытания. Достижения эти подтверждают мысль Виктора Гюго, сказавшего, что никакие силы в мире не могут победить идею, если время ее пришло.

И теперь, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, обширный и непрерывно растущий стан ее друзей и товарищей во всех странах мира шлет сердечный привет всем народам Советского Союза. Радуясь вашим успехам и победам, глубоко огорчаясь вашими неудачами или ошибками, друзья с уверенностью ожидают полного осуществления вами идеи здорового общества на нашей планете и завоевания межпланетных пространств.

Полностью отдавая себе отчет в том, что в наш век водородной бомбы речь может идти лишь о сосуществовании или взаимном уничтожении, они избрали жизнь вместе с вами, а не гибель вместе с вами. В союзе с советским народом они преданно трудятся ради упрочения мира и дружбы между всеми народами мира.

НЬЮ-ЙОРК, 3 ноября. **(По телеграфу)**

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в пятницу, 7 ноября

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51 Цветной бульвар, 30 (для телеграмм СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — и искусства — Б 1-41-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы литератур народов Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—05453